

ГЛАВА I. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

I.1. Стратегии официальной политики памяти

Кризис и процесс разложения советской модели политики памяти

Советский официальный дискурс политики памяти опирался на «трех китов» – триединую систему, в которой каждый структурный компонент неразрывно был связан и согласован со всеми другими: 1) коммунистическую идеологию; 2) Коммунистическую партию как главный мнемонический актор, формирующий и воплощающий на практике стратегические задачи советской политики памяти, в том числе задачу воспитания человека коммунистического будущего; 3) советскую символическую политику, которая воплощалась в процессе реализации разнообразных коммеморативных практик, включая работу по созданию и пропаганде советского пантеона, к которому причислялись сакральные образы вождей, полководцев, героев и мучеников.

Впервые черты начала кризиса когда-то прочной и монолитной советской модели политики памяти, сформировавшейся с эпоху сталинизма, отчетливо простиупили в эпоху Н. С. Хрущева (1953–1964 гг.), получившей название «хрущевская оттепель». Поворотными моментами, положившими начало для проведения курса на десталинизацию политики памяти, стали два решающих события: 1) выступление Н. С. Хрущева на XX-ом съезде КПСС с докладом «О культе личности и его последствиях»¹⁹, 2) решение XXII съезда КПСС о выносе саркофага с гробом Сталина из Мавзолея²⁰.

Доклад Хрущева о культе личности Сталина произвел эффект разорвавшейся бомбы как внутри КПСС, выступав-

¹⁹ Хрущев Н.С. О культе личности Сталина и его последствиях : докл. на XX съезде КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145–151.

²⁰ Из Информационного сообщения о XXII Съезде Коммунистической партии Советского Союза. URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/hrus/hrpost22.htm>

шёл в советском обществе в роли главного актора, формирующего и претворяющего в жизнь официальный дискурс политики памяти, так и внутри мирового коммунистического движения, которое строилось на принципах доверия к советской идеологической системе и ее практике социалистического строительства. Утвержденный съездом КПСС курс на десталинизацию привел к эскалации конфликтных ситуаций в руководстве целого ряда социалистических государств Восточной Европы²¹, к расколу среди лидеров их компартий. Так, к примеру, внутри СЕПГ (Социалистической единой партии Германии) сразу после XX съезда КПСС развернулась острая и драматическая внутрипартийная дискуссия вокруг высказывания их лидера Вальтера Ульбрихта о том, что «Сталина нельзя относить к классикам марксизма»²². Данная дискуссия дала старт многочисленным публичным дебатам, прошедших в социалистических странах, о месте и роли фигуры Сталина в советской и мировой истории. Эти дискуссии производили эффект десакрализации главных героев сталинской эпохи, разрушали сложившийся вокруг фигуры Сталина, его трудов и практик священный нимб.

Вслед за разоблачениями культа личности Сталина широко развернулись на пространствах ряда социалистических государств символические акции – снос памятников Сталину, переименования городов, сел, улиц, площадей и т.п.

Однако далеко не все лидеры государств социалистического блока взяли курс на десталинизацию. Так, к примеру, открыто против его проведения выступила Компартия Китая, назвавшая данный курс ревизионистским. Когда

²¹ В июне-октябре 1956 г. в Польше проходили антисоветские выступления, направленные против всемогущества коммунистов и власти ПОРП (Польской объединенной рабочей партии). Массовые выступления удалось подавить без вмешательства советских вооруженных сил после того, как лидер польских коммунистов Гомулко взял под свой контроль ситуацию в стране. В октябре 1956 г. в Венгрии вспыхнуло антисоветское вооруженное восстание, для подавления которого в страну были направлены советские воинские части.

²² Тихомиров А.А. О политике и практиках десталинизации в ГДР: реакция на секретный доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» // История и современность. 2016. № 2. С. 99.

в 1961 г. на съезде КПСС было принято решение о выносе саркофага с гробом Сталина из Мавзолея, представители КПК предложили советской стороне передать Китаю данный саркофаг для его установки в мавзолее в Пекине, причем предлагалось это сделать отнюдь не бесплатно. К китайской инициативе официально присоединилась социалистическая Албания²³. Но сторонники Хрущева не согласились пойти на такой шаг.

Хрущевская десталинизация зародила в общественной среде серьезные сомнения в незыблемости канонической схемы советской официальной политики памяти. Возникший в эпоху «оттепели» процесс частичного расширения пространства для творческих свобод порождал в среде интеллигенции бурные публичные дискуссии по наболевшим вопросам прошлого и настоящего, по проблемам критического восприятия канонов советских форм коммемораций посредством языка литературы и искусства, театрального дискурса. «Ветры перемен», возникшие в период оттепели, аромат ее атмосферы получили отражение в новом языке и сюжетных образах советского кинематографа²⁴, в репертуарах новых театральных коллективов, в выставках московских неоавангардистов, в распространении «самиздата»²⁵. Благодаря возникновению во времена Хрущева альтернативной официальному дискурсу советской прозы, своеобразно освещющей события истории, в общественных кругах стали распространяться такие понятия как «лагерная правда», «окопная правда», «деревенская правда». В своей совокупности данные перемены означали возникновение системы ценностей, вступающей в конфликт с принципами

²³ Данную идею поддержали, хотя и не публично, руководители Румынии, Северной Кореи и Северного Вьетнама. Поддержал их и Эрнесто Че Гевара (см.: Самсонов А. Как Хрущев разрушил стратегический союз с Китаем // Военное обозрение. 2016. 4 марта. URL: <https://topwar.ru/91848-kak-hrushev-razrushil-strategicheskiy-soyuz-s-kitaem.html>).

²⁴ Примером может служить фильм режиссера Марлена Хуциева «Застава Ильича», снятый в 1962–1964 гг. Картина впервые появилась на экране в 1965 г. под новым названием «Мне двадцать лет».

²⁵ См.: Советская культура в период «оттепели» и «застоя». URL: <http://www.cultnow.ru/hooms-587-2.html>

и канонами советской политики памяти, они также приводили к появлению целой группы неофициальных мнемонических акторов, пересматривающей устои советской модели памяти. Именно из этой среды в последствии вышли советские диссиденты со своим радикально-критическим, оппозиционным дискурсом²⁶.

В брежневскую эпоху произошло дальнейшее углубление кризиса советской модели политики памяти, связанное, прежде всего, с развитием диссидентского движения, благодаря которому сформировался круг авторов, решительно оспаривавший официальный исторический нарратив²⁷.

Однако следует подчеркнуть, что первые годы правления Л.И. Брежнева были отмечены довольно позитивными подвигами в проводимой КПСС политике памяти. Тогда главные усилия руководства страны были направлены в сторону расширения дискурсивно-символического пространства исторической памяти путем дальнейшего продвижения дискурса о Великой Отечественной войне. Так, например, сразу же после отстранения от власти Хрущева был реализован целый пакет коммеморативных практик, нацеленный на дальнейшее увековечение памяти о подвигах советского народа в данной войне. Ключевую роль в разворачивании этого процесса сыграло принятное 30 марта 1965 г. Постановление Президиума ЦК КПСС «О праздновании 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.», в котором говорилось, что День Победы – 9 мая – отныне считается нерабочим днем.

В Постановлении были сформулированы ключевые идейные установки, на которые предписывалось опираться при освещении смыслов и значений событий Великой Отечественной войны: «Вдохновителем и организатором победы в Великой Отечественной войне была Коммуни-

²⁶ Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Прошлое и будущее в советском метанarrативе: взаимосвязь национального и наднационального // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: колл. моногр. / под ред. А.И. Миллера. Д.В. Ефременко. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 56.

²⁷ Там же.

стическая партия Советского Союза. Она мобилизовала все материальные и духовные силы советского общества для разгрома врага. Коммунисты и комсомольцы находились в первых рядах на фронте и в тылу, воодушевляя массы своим личным примером. Тяжелые испытания войны еще сильнее закалили ряды партии, повысили ее боеспособность и руководящую роль. <...> Победа над фашизмом продемонстрировала всему миру преимущества социалистического общественного строя над капиталистическим, способствовала образованию мировой социалистической системы...»²⁸.

Перед идеологическими структурами, ответственными за спектр работ в области политики памяти, ставились следующие задачи: «Опубликовать в центральной печати, журналах, республиканских, краевых и областных газетах статьи, очерки, документы и воспоминания, рассказы, фотоиллюстрации и другие материалы, посвященные 20-летию разгрома фашистских захватчиков. <...> Академии наук СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС, академиям наук союзных республик, Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ВПШ при ЦК КПСС, институтам истории партий при ЦК КП союзных республик, партийным школам, а такие высшим учебным заведениям провести в апреле – мае 1965 г. научные сессии конференций или заседания ученых советов, посвященные 20-летию победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками... Военному издательству подготовить и издать книги и брошюры с воспоминаниями участников войны, очерки и документы о подвиге советского народа в Отечественной войне, сборник «Благодарные народы воинам-освободителям» и альбом «Великая победа», а также материалы, разоблачающие фашизм... Общественно-политическим и научно-историческим журналам опубликовать в специальных (майских) номерах серию статей, историографических обзоров и рецензий, посвященных проблемам истории Великой Отечественной войны... Издательству «Мысль» выпустить к маю 1965 г. 10-й том «Всемирной истории», в котором излагается исто-

²⁸ Цит. по: Пивоваров Н. О праздновании Дня Победы в 1955 и 1965 гг., 09.05.2015. URL: <http://www.world-war.ru/o-prazdnovaniii-dnya-pobedy-v-1955-i-1965-gg>

рия Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом... Агентству печати «Новости» подготовить серию выставок об истории Великой Отечественной войны для показа их в зарубежных странах, а также организовать публикацию на эту тему специальных номеров зарубежных советских изданий»²⁹.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР 9 мая 1965 г. на Красной площади состоялся второй в истории страны Парад Победы, которому предшествовало проведение ряда важных коммеморативных мероприятий: открытие в Александровском саду в Москве памятника «Городам-героям» и одновременно с этим – мемориала Могилы Неизвестного солдата (8 мая 1965 г.).

Проведение Парада Победы знаменовало собой продолжение одной из самых ярких и впечатляющих по своему воплощению традиций, возникших при Сталине. В сценарии данного Парада была в значительной степени сохранена прежняя, лично разработанная вождем церемониально-символическая рамка. Сам Парад явился предупреждающим знаком для тех, кто слишком увлекся процессом десталинизации.

В брежневскую эпоху состоялось открытие такого значимого для глубокого запечатления в памяти советского народа и в памяти народов освобожденной Европы мемориала, как мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане (15 октября 1967 г.). Во многих городах и селах страны стали возводиться памятники в честь советских воинов, павших за Родину в 1941–1945 гг. К примеру, с 1965 по 1970 гг. только на территории одного Яльчикского района Чувашской Республики в селах было установлено более 20 памятников и обелисков воинам-землякам³⁰.

Вместе с тем, следует отметить, что в последние годы правления Брежнева в работе основных советских акторов политики памяти стали развиваться и процветать такие негативные черты как формализм, догматизм, косность, страх

²⁹ Там же.

³⁰ Мемориальные обелиски и воинские захоронения на территории Яльчикского района Чувашской Республики. URL: <http://www.nbchr.ru/memorial/yalch/files/assets/common/downloads/publication.pdf>

перед новизной. Это приводило к вымыванию из марксистской исторической теории ее живого, творческого начала. Формы и методы пропаганды официальной политики памяти не отличались разнообразием и креативностью. Поиски новых подходов решительно пресекались «сверху». Все это существенно подрывало веру советских граждан в коммунистические идеалы, вызывало сомнения в правильности и справедливости известного лозунга «Марксистское учение всесильно, потому что оно верно», подрывало доверие ко всем идеологическим структурам КПСС.

Смерть Брежнева и последовавший после нее очень краткий период андроповско-черненковского правления ознаменовали собой «точку бифуркации» в выборе дальнейшей траектории развития советского исторического дискурса и коммеморативных практик. Выбор вполне определился в эпоху горбачевской перестройки, и это был путь, ведущий к полному развалу когда-то прочной и структурированной советской модели политики памяти.

Уже в первые годы своего правления М. С. Горбачев «открыл шлюзы» для активного включения в процесс обновления советской модели памяти альтернативных ей дискурсов. Это привело к широкому хождению на рынке интеллектуальной продукции огромной массы запрещенной ранее литературы, которая производила в общественном сознании эффект разрушения сакральных смыслов, идеалов, текстов, фигур вождей и героев, существовавших в советском дискурсе памяти.

В 1987 г. наступил радикальный перелом в трактовках ключевых событий и фигур советской истории, по сути, совершился инверсионный поворот: прежние исторические понятия, образы, значимые фигуры стали превращаться в свою противоположность, обрели обратные смысловые и ценностные черты. Началось разрушение пантеона советских героев и мучеников, усилилась деглорификация советских вождей. Последней фигурой, до которой докатился процесс десакрализации, стал В. И. Ленин. Практика «свержения с пьедестала» исторической политики (символическое и реальное) фигуры Ленина выбила последнее основание под фундаментом советской модели политики памяти.

Второй знаковой вехой, связанной с окончательным разложением советской модели политики памяти, стало принятие Закона СССР «О печати и других средствах массовой

информации» (12 июня 1990 г.), отменившего цензуру³¹. Выключение из системы государственного контроля механизмов цензуры за производством и тиражированием советских дискурсов памяти усилило процесс их замены на антисоветские и контр-социалистические дискурсы, привело к агрессивным нападениям СМИ на ключевые метанarrативы и символы советской политики памяти. Время полной гибели советской модели памяти совпало с датой прекращения существования СССР (30 декабря 1991 г.). В ельцинской «новой России» и в бывших советских республиках стали формироваться новые модели политики памяти, которые приняли на вооружение многие западные образцы конструирования исторических дискурсов и практик их воплощения.

Стратегия декоммунизации в официальной политике памяти государства Центральной и Восточной Европы

После распада СССР во вновь образованных государствах на постсоциалистическом пространстве стал развиваться процесс критического переосмыслиния советского прошлого и выработки новых стратегических установок политики памяти. В итоге в государствах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) место доминирующей стратегии официальной политики памятиочно заняла *стратегия декоммунизации*, направленная на решение следующих ключевых задач:

1) формирование и распространение дискурса вражды³² по отношению к коммунистическому прошлому новых государственных образований;

³¹ Постановление Верховного Совета СССР от 12 июня 1990 года «О введении в действие Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16716.htm

³² Согласно К.К. Фурсову, «дискурсом вражды» можно назвать такой дискурс, который выражает желание причинить вред тому, кто воспринимается как враг или выражает психологические причины враждебности (см.: Фурсов К.К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 51).

2) взятие на вооружение неолиберального дискурса в качестве радикальной альтернативы советскому и российскому дискурсу политики памяти;

3) отказ от советского исторического наследия и собственного опыта коммунистического строительства, представляющих главную угрозу для вступления государств ЦВЕ в Европейский Союз с его консенсусной демократией, с системой провозглашенных ценностей, направленной на защиту прав и свобод личности, разнообразных меньшинств, на развитие рыночной экономики и т.д.;

4) отказ от дискурса советской коммунистической идеологии и советских практик коммеморации;

5) включение в концептуальный репертуар стратегии декоммунизации таких категорий, применяемых для описания и осмыслиения советской эпохи, как «тоталитаризм», «колониализм», «оккупация», «геноцид», «жертвы террора» (тоталитаризма, оккупации, колониализма, геноцида);

6) учреждение нового законодательства, направленного на легитимацию запретов в отношении деятельности коммунистических партий, публичной демонстрации коммунистической и советской символики, практик переименования топографических объектов, сноса памятников, символизирующих советское прошлое, переименование топографических мест;

7) развитие практик реабилитации жертв коммунистического режима иувековечения их памяти;

8) осуществление люстраций в целях наказания участников коммунистических репрессий и восстановления исторической справедливости;

9) создание институциональной инфраструктуры, призванной развивать и контролировать идеологические и символические практики реализации антикоммунистической стратегии;

10) формирование системы медиа-коммуникаций, обеспечивающей информационную безопасность и пропаганду антикоммунистических идей и практик посредством применения современных медиатехнологий.

Антикоммунистическая направленность официального дискурса политики памяти в новых государствах ЦВЕ проявляется особенно интенсивно в периоды обострения идеиного и информационного противостояния между коллективным Западом, к которому относятся страны ЦВЕ, и Россией. При

этом главным инструментом данной конфронтации выступает дискурс вражды, который становится важным инструментом агрессивной пропаганды целого комплекса идеологем, призванных разоблачать пагубность для развития «демократического» мира как коммунистических, так и российских практик, символов, ценностей.

Взятие на вооружение дискурса вражды позволяет агентам продвижения антикоммунистической и антироссийской модели политики памяти решать три важные задачи: 1) очищение от символических остатков советского (коммунистического) прошлого идеологического и топографического общественного пространства в целях установления собственной монополии в области управления коллективной памятью; 2) легитимация новой «либерально-демократической» властной элиты, полностью разорвавшей свои связи с советскими институтами и разделяющей антикоммунистические взгляды; 3) создание идеологического плацдарма для развития и торжества националистических (в предельном случае – нацистских) идей и движений.

Данный дискурс политики памяти транслируется тем сильнее и радикальнее, чем прочнее оказывалась связь новой правящей элиты с прежним политическим режимом. Эта закономерность в самом начале смены режима особенно ярко проявилась в Венгрии, где технократическая номенклатура среднего звена, получив в свои руки социалистическую собственность, стала настаивать на самом решительном идеологическом разрыве со своим недавним коммунистическим прошлым. На этом фоне возрос венгерский национализм, появилась знаменитая партия Йоббик, реабилитирующая самые мрачные страницы венгерской истории под флагом декоммунизации³³.

Курс на декоммунизацию, удалив из идеологического пространства прежнюю систему ценностей, институтов и коммеморативных практик, по сути, расчистил дорогу для широкого распространения неолиберального дискурса, в том числе и в области политики памяти. Выделим характерные для дискурса данного типа идеологические и политико-

³³ Соловьев С. Попытка декоммунизации в России привела к краху десталинизации: интервью, 04.05.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/popytka-dekommunizacii-v-rossii-privela-k-krahu-destalinizacii/>

практические установки: 1) идеализация американской и западно-европейской моделей демократии; 2) geopolитическое мессианство, дающее право на распространение неолиберальных идей и практик в глобальном масштабе; 3) борьба с авторитаризмом и его воплощениями в конкретных политических системах и режимах; 4) приоритет интересов транснациональных корпораций над интересами национальных институтов отдельных государств, ориентация на принцип десуверенизации государственной политики; 5) утверждение права внешнего вмешательства во внутренние дела государства в целях революционного свержения «диктаторских» режимов; 6) построение всех сфер общественной жизни, включая культуру, науку и образование, на основе применения принципов монетизации и коммерциализации; 7) тотальная маркетизация медиапространства и установление монополии неолиберальной элиты в сфере формирования медиаконтента и контроля над СМИ; 8) космополитическая ориентация в выборе образа жизни представителей неолиберальной элиты; 9) использование методов санкционной политики в отношении внешних политических конкурентов³⁴.

Процесс активного противостояния неолиберально-го дискурса, характерного для западно-ориентированных государств, официальному российскому дискурсу политики памяти сформировался не сразу. Дело в том, что вплоть до середины 2000-х гг. в российской внешней и внутренней политике господствовал именно неолиберальный дискурс. Показателями этому были следующие проходившие в России процессы: проведение грабительской приватизации с ее безудержным монетаризмом; коммерциализация всех сфер общественной жизни; ориентация на западные образцы научной и учебной литературы, в большинстве которых преобладает именно неолиберальный дискурс; широкое проникновение ценностей общества потребления в массовую культуру и общественное сознание; маркетизация сферы социального продвижения с ее культом агрессивной конкуренции, материального и имиджевого успеха.

Одним из наглядных примеров глубокого проникновения неолиберального дискурса в сферу управления научной

³⁴ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Правый поворот в политическом дискурсе элит и кризис неолиберализма // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 14.

деятельностью в России стало повсеместное применение на практике западной наукометрической системы для оценки публикационной активности ученых. Речь идет об использовании международных баз данных Web of Science и Scopus, созданных и пропагандируемых англосаксонским сообществом в целях мониторинга достижений российских ученых и контроля за соответствием их дискурса западным лекалам³⁵.

Сразу же после распада СССР в государствах ЦВЕ развернулась работа по конструированию нового антикоммунистического и антисоветского дискурса политики памяти, в публичный оборот активно вводился концепт *тоталитаризма*, посредством которого вся политика СССР в отношении социалистических государств Европы объявлялась преступной. Особенно подчеркивался ее колониальный, оккупационный и репрессивный характер. Распространенными стали такие понятия как «советский колониализм», «советская оккупация», «репрессивный режим». В массовое сознание внедрялась идея о глубоких страданиях, которые принесла народам Европы советская власть, о том, что все эти народы, начиная со Второй мировой войны, оказались жертвами сразу двух тоталитарных режимов – сначала нацистского, а следом и советского. Таким образом подготавливалась идеологическая почва для обвинения СССР в политике геноцида, осуществляющей на территории социалистических республик. Проведение вначале параллели, а затем и линий тождественности между двумя тоталитарными режимами – советским и нацистским – формировало в сознании европейцев представление о том, что коммунистический режим, существовавший в СССР и в государствах социалистического блока, мало чем отличается от нацистского режима: он также преступен, кровав, насилиственен. Иначе говоря, выступает воплощением абсолютного зла, которому следует дать решительный отпор.

Данная трактовка советского прошлого была закреплена в ряде правовых актов. Так, например, в Чехии 9 июля 1993 года был принят закон «О противозаконности коммунистического режима и о сопротивлении ему». Он признавал, что «Коммунистическая партия Чехословакии, ее руково-

³⁵ Эскиндров М. Нужен ли российским ученым индекс цитирования в зарубежных журналах. URL: <https://rg.ru/2022/03/07/nuzhen-li-rossijskim-uchenym-indeks-citirovaniia-v-zarubezhnyh-zhurnalakh.html>

водство и члены несут ответственность за систему правления в стране в период с 1948 по 1989 год, и в особенности за систематическое уничтожение традиционных ценностей европейской цивилизации, сознательное нарушение прав и свобод человека, за нравственный и экономический крах в сочетании с судебными преступлениями и террором против сторонников различных взглядов, за замену процветающей рыночной экономики командным руководством, за разрушение традиционных принципов частной собственности, за злоупотребления в сфере обучения, образования, науки и культуры в политических и идеологических целях, за безответственное разрушение природы»³⁶.

При опоре на такой подход на политическое руководство СССР, а также на руководящие органы социалистических республик была возложена ответственность за содеянные на их территории преступления советского тоталитарного режима. В этой связи претворение в жизнь курса на декоммунизацию призвано было дать толчок для реализации обширной программы действий, связанной с радикальным отказом от идеологического, правового и коммеморативно-символического советского наследия. Данная программа включала также создание и организацию работы институциональных структур для реализации стратегии декоммунизации. Например, в Латвии в 1992 году была создана Комиссия по расследованию преступлений тоталитарного режима, преобразованная в 1996 году в Комиссию по оценке преступлений тоталитарных режимов. В 2001 году Комиссия представила промежуточный доклад «Преступления против человечности, совершенные на территории Латвии с 1940 по 1956 год во время оккупации Советским Союзом и национал-социалистической Германией. А в 2005 году латвийский Сейм принял декларацию «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР»³⁷.

Согласно этой программе, вводились правовые запреты на деятельность людей и институтов, причастных к проведению репрессивных практик, издавались законы, огра-

³⁶ Лезина Е.В. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник общественного мнения. 2015. № 2 (120). С. 50.

³⁷ Там же. С. 70.

ничивающие гражданские права лиц, принимавших активное участие в советском строительстве³⁸, вводились запреты на использование коммунистической символики, утверждались официальные документы, легализующие практику сноса советских памятников, переименования улиц, площадей и других символов советской эпохи.

В числе главных мер, направленных на реализацию стратегии декоммунизации, «стало признание несправедливости, совершенной в отношении жертв коммунистического режима. Сюда относится реабилитация тех, кто был несправедливо осужден, подвергся репрессиям со стороны государства, путем их публичного оправдания и выплаты финансовой компенсации, а также реституция или возврат прежним владельцам их собственности, конфискованной в коммунистический период. Реституция, в частности, была проведена в Венгрии, Германии, Польше, Румынии, Чехии и странах Балтии»³⁹.

Впервые практика применения запретов на публичную демонстрацию коммунистической символики, которая приравнивалась к нацистской, получила свою реализацию в Республике Латвия в 1991 г., в тот самый период, когда процесс разложения советского политического режима достиг своей финальной стадии. Гораздо позднее, в июне 1913 г., латвийский Сейм распространил этот запрет на праздничные и памятные дни.

В Венгрии коммунистическая символика была запрещена в 1993 г. Но в феврале 2013 г. Конституционный суд страны отменил запрет из-за нечеткости его формулировок, однако через два месяца его восстановили. Венгерские активисты неоднократно были задержаны и оштрафованы за ношение красной звезды. Рассмотрение их дел в ЕСПЧ, как правило, заканчивалось в пользу коммунистов.

В Эстонии власти запретили советскую символику в 2007 г. Там по закону предлагалось введение штрафов и наложение арестов на его нарушителей (до трех лет лишения свободы) в том случае, если разжигание розни с помощью советской символики приведет к «тяжелым последствиям».

³⁸ Koposov N. Memory laws, memory wars: The politics of the past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. P. 173–176.

³⁹ Лезина Е.В. Указ. соч. С. 49.

В Литве запрет на демонстрацию коммунистической символики был законодательно введен в 2008 г. В 2013 г. литовский суд оштрафовал жителя Вильнюса на 500 литов за то, что на номерах его автомобиля был изображен советский флаг и надпись СССР. В 2014 г. на 145 евро была оштрафована газета «Комсомольская правда в Литве» за советскую символику на главной странице издания.

В Польше сразу после краха коммунизма в 1989 г. по всей стране были установлены новые памятники и изменены наименования улиц, названных в честь советских официальных деятелей.

Польским Сеймом 28 мая 1992 г. «была принята первая резолюция о люстрации, на основании которой Министр внутренних дел Антоний Мачаревич должен был раскрыть информацию о сотрудничестве представителей новой польской элиты с бывшей Службой безопасности. На базе архивных материалов к 4 июня был подготовлен список, содержащий имена 64 депутатов, сенаторов и высокопоставленных чиновников для передачи президенту, главам Сейма и Сената. Список, в котором оказались множество известных имён, в том числе и имя президента Валенсы»⁴⁰.

Начиная с середины 2000-х гг. в Польше началась новая волна декоммунизации, связанная с приходом к власти Леха Качинского, который провозгласил курс на «моральное очищение» от коммунистического прошлого. В своей инаугурационной речи (2005 г.) он заявил, что в Польше моральный порядок означает применение усилий «по борьбе с бременем прошлого, отказ от него... Это может быть достигнуто путем политического отбора. Люстрация должна быть реализована со всей решимостью». Закон о люстрации вступил в силу 15 марта 2007 г. В преамбуле к закону говорилось, что «работа или служба в органах безопасности коммунистического государства, либо оказание помощи этим органам... были постоянно связаны с нарушением прав человека и гражданина ради коммунистического тоталитарного строя»⁴¹.

В сентябре 2009 г. польским Сеймом была принята поправка к уголовному кодексу (УК) страны, согласно которой устанавливалась уголовная ответственность за торговлю предметами с коммунистической символикой. После

⁴⁰ Лезина Е.В. Указ. соч. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 66–67.

того как закон вступит в силу суды получили право осуждать граждан за продажу, к примеру, футбольок с изображениями Ленина, серпа и молота, с надписью «СССР». Нарушителям этого закона грозило уголовное наказание – заключение сроком до двух лет⁴². Но в 2011 году Конституционный суд признал эту меру незаконной⁴³.

Следующая волна декоммунизации началась в Польше после 2014 г. и была связана с присоединением Крыма к России. Центральное место в данном процессе занял закон № 744 от 2016 г. «О запрете пропаганды коммунизма и других тоталитарных режимов»⁴⁴. В нем, в частности, говорилось, что никакие строения, дороги, улицы, мосты и другие объекты в публичном пространстве не могут носить напоминающих о коммунизме названий или символов. В июле 2017 г. президент страны Анджей Дуда подписал поправки к данному закону, которые легитимизировали снос советских памятников на польской территории⁴⁵. Один из сотрудников Института памяти Польши тогда заявил, что за освобождением Польши Красной армией не последовало возвращения страны к независимости, «потому что позже началась оккупация советская, началось правление коммунистического режима, террор. И мы трактуем этот период как де-факто очередную оккупацию»⁴⁶.

В Молдавии в 2009 г. был предложен закон, запрещающий использование коммунистических символов в политических целях, в том числе и во время избирательных кампаний, а также пропаганду тоталитарной идеологии. Закон был принят в 2012 г. Однако в 2013 г. Конституционный суд

⁴² Польский сейм запретил торговлю коммунистической символикой, 29.09.2009. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1720296>

⁴³ Дорохина О. Где запрещали коммунистическую символику? 09.04.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2704780>

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Мелешкина Е.Ю. Запрещения коммунистической символики в посткоммунистических странах//Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 9, № 4 (40). С. 38–39.

⁴⁶ Витвицкий А. В Польше вступает в силу закон, позволяющий сносить советские памятники, 21.10.2017. URL: <https://ria.ru/20171021/1507290431.html>

страны обратился в Венецианскую комиссию с просьбой дать оценку этому закону. Отвечая на данный запрос, Комиссия сообщила, что законом нарушаются статьи Европейской конвенции по правам человека, а также объявила об отсутствии связи между тоталитарной коммунистической идеологией и символами серпа и молота, которые использует Партия коммунистов Республики Молдова. В июне 2013 г. Конституционный суд Молдавии признал неконституционным запрет коммунистической символики⁴⁷.

На Украине первые попытки законодательного запрета коммунистической и советской символики были предприняты еще в 2006 г. Соответствующий законопроект былнесен на рассмотрение в Верховную раду депутатами фракции «Блок Юлии Тимошенко» (БЮТ)⁴⁸. В нем, к примеру, предлагалось изменить советские названия улиц и демонтировать памятники и мемориальные доски бывшим руководителям СССР и КПСС. Однако тогда этот проект не был рассмотрен.

После победы Евромайдана, приведшей к смене политического руководства в стране, на Украине значительно ускорился процесс декоммунизации. Его катализатором стало подписание президентом П.А. Порошенко 15 мая 2015 г. четырех новых закона, которые стали называть «пакетом законов о декоммунизации».

Данные законы вводили запрет на публичные выскаживания, в которых давалась позитивной оценкой советского прошлому, предписывали переименование тысячам топонимов советской эпохи⁴⁹.

Еще до принятия этого пакета законов, а точнее, во время Евромайдана и сразу же после него по всей стране прокатилась волна сноса памятников советской эпохи. В разгар Евромайдана украинские радикалы снесли памятник Ленину на бульваре Тараса Шевченко в Киеве. Это положило начало повсеместной борьбы с памятниками большевистскому

⁴⁷ Мелешкина Е.Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации // Политическая наука. 2018. № 1. С. 157.

⁴⁸ Где запрещали советскую символику. История вопроса // Коммерсантъ. 2008. 18 июня (№ 102). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/903849>

⁴⁹ Декоммунизация в Украине после Евромайдан: Законы и практика, 11.01.2016. URL: <https://www.ponarseurasia.org/8248/>

вождю, которому дали название «ленинопад». С 22 февраля по 28 сентября 2014 г. были снесены памятники Ленину в Кировограде, Харькове, Одессе, Днепропетровске, Виннице, Ивано-Франковске, Львове, Тернополе, Черновцах и других городах страны. В ночь с 28 на 29 сентября группа неонацистов снесла огромный памятник Ленину в Харькове.

В 2018 г. Порошенко отчитался о проделанной работе, заявив, что по всей стране в рамках декоммунизации было снесено около полутора тысяч монументов Ленину⁵⁰.

Повсеместный демонтаж монументов, связанных с советской эпохой, ряд экспертов называют политической технологией по символической демонстрации собственной власти, направленной на уничтожение памяти о социалистическом прошлом страны в контексте принятой ее политическим руководством стратегии на декоммунизацию. Это относится также к символам Победы в Великой Отечественной войне. Так, например, в год 70-летия Победы в Харькове разгромили Аллею Славы. Неизвестные демонтировали памятные доски советским воинам-героям, которые освобождали город от немецких оккупантов.

Во Львове, чтобы избавиться от «советского прошлого», в октябре минувшего года разрушили памятный знак «Орден Великой Отечественной войны» на мемориале «Марсово поле». «Символ присутствия во Львове русских» был демонтирован под давлением националистов. Теперь горожанам, которые еще не забыли историю, некуда нести цветы в День Победы.

Но звание передовика декоммунизации, наверное, заслужил Днепропетровск. Там в переписывании истории дошли до Крымской войны. Распоряжением главы города Бориса Филатова в декабре 2021 года из Севастопольского парка убрали бюсты военного хирурга Пирогова, адмирала Нахимова, вице-адмирала Корнилова, контр-адмирала Истомина, матросов Петра Кошки и Федора Заики. Кроме того, два памятника – матросу Игнатию Шевченко и знаменитой сестре милосердия Даше Севастопольской – были украдены.

Идеологическими врагами на Украине объявляются даже камни. Так, в 2016 г. в украинской столице снесли па-

⁵⁰ Стенин А. Порошенко посчитал, сколько памятников Ленину снесли на Украине, 20.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180520/1520951020.html>

мятник «Бульдожник – оружие пролетариата». Монумент «согрешил» дважды. Первый раз – когда оригинальная скульптура стала символом русской революции 1905 года (ключевое слово – «русской»). Второй – когда установку копии посвятили дружбе трудовых коллективов Подольского района Киева и Краснопресненского района Москвы.

Правда, иногда случается, что монументы начинают сопротивляться сносу, что ставит представителей власти страны в неудобное положение. Именно так случилось на Украине, когда попытались демонтировать в Киеве величественную скульптуру «Родина-мать», изображающую женщину с мечом и щитом в руках (высотой 102 метра, включая постамент). От демонтажа пришлось отказаться. «Декоммунизировать» щит, на котором изображен герб СССР, тоже оказалось непросто. Поэтому решили ночью подсвечивать статую в «жовто-блакитный» цвет.

Процесс стирания исторической памяти на Украине проходил параллельно с другим процессом – героизацией предателей и преступников из организаций, признанных в России экстремистскими – ОУН⁵¹ и УПА⁵². Произошла подмена: пособники фашистов стали «освободителями от советской тирании» и «борцами за независимость», а настоящие герои, спасшие миллионы украинцев от концлагерей, газовых камер и пыток бандеровцев, – «ворогами и оккупантами»⁵³.

Стратегия десоветизации в российской политике памяти и предпосылки перехода к новым стратегическим установкам

В странах Запада распад СССР был воспринят как окончание эпохи двуполярного мира, которая обеспечивала существование некоторого относительно устойчивого баланса сил на мировой арене. Процесс утверждения однополярного мирового устройства, связанный с уходом с геополитической арены бывшего, самого крупного конкурента США в лице Советского Союза, привел к широкому распространению идеи о полной и окончательной победе либерально-демократической модели общественного устройства над ком-

⁵¹ Организация, признанная в России экстремистской.

⁵² Организация, признанная в России экстремистской.

⁵³ Ломать – не строить. Как на Украине сносят советские памятники, 08.07.2022. URL: <https://ria.ru/20220708/pamyat-1801215843.html>

мунистическими идеалами и практиками. «Справедливость» данного концепта получала свое подтверждение в избранном государствами ЦВЕ, а также Россией курса на декоммунизацию, перехода к буржуазной демократии и восстановления капиталистических порядков.

Эпоха Б.Н. Ельцина была отмечена радикальными неолиберальными реформами, направленными на форсированное внедрение в социально-экономическую и культурную жизнь общества хищнических капиталистических отношений посредством применения бесчеловечных методов шоковой терапии, грабительской приватизации крупных социалистических предприятий, тотальной коммерциализации социальной сферы и культуры. В процессе осуществления своих преобразований российские реформаторы действовали в тесной связке с представителями таких глобальных структур, как МВФ и Всемирный Банк. Приватизация в России контролировалась Министерством финансов США, сотрудниками Гарвардского Института Международного Развития (HID) и другими финансовыми учреждениями Запада. В итоге российские реформаторы, отказавшись от советского социалистического наследия как несовременного и морально устаревшего, построили зависимое от западных корпораций неолиберальное олигархическое общество с его приоритетом коньюмеристских и монетаристских ценностей⁵⁴.

В 1992–1999 гг. в России продолжился процесс десоветизации (российский вариант политики декоммунизации) всех сфер общественной жизни, начавшийся еще в перестроечный период. В общественное сознание усиленно внедрялась идея о тоталитарном и репрессивном характере всего советского строя. Во время президентских выборов 1996 г. для дискредитации кандидата в президенты от КПРФ Г.А. Зюганова сторонниками Ельцина использовались мрачные образы, символизирующие тоталитарный режим (наручники, тюремная роба и пайка, колючая проволока и др.) с целью формирования у избирателей четкой ассоциативной связи: коммунистический строй тождественен репрессиям и голодному существованию. Этому ряду противопоставлялись символы

⁵⁴ Ждановская А.А. Куда ведет Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Кн. 2. Россия в неолиберальной петле. Москва: Ленанд, 2016. С. 71–74.

свободы и демократии, которые должны были ассоциативно связываться с фигурой Ельцина⁵⁵.

В 2000-е гг. официальная политика памяти продолжает, как и прежде, следовать курсом десоветизации. Происходят изменения в конфигурации акторов, включенных в управление данной политикой. Возрастает влияние Православной церкви на формирование образов российского прошлого. Имперский дискурс дореволюционной России начинает работать на вытеснение из массового сознания значимых символических дат, событий, имен и образов советского истории. Активное вмешательство церковного актора в процесс формирования постсоветской политики памяти в 2005 г. приводит к возникновению в числе памятных дат страны новой праздничной даты – 4 ноября (Дня народного единства), которая призвана, по замыслу ее учредителей, символизировать важное переломное событие в истории царской России, связанное с прекращением боярской смуты в 1612 году. Основная цель учредителей нового праздника заключалась в том, чтобы постепенно вытеснить из народной памяти дату 7 ноября («красный день календаря»), которая отмечалась как главный государственный праздник советской эпохи – День Великой Октябрьской социалистической революции.

Следующим шагом на пути развития официальной политики памяти в направлении расширения объектов, подлежащих десоветизации, стали события 2005–2007 гг., когда среди депутатов Государственной думы начала развиваться инициатива по очищению атрибутики государственной власти от советской символики, а именно, от изображений серпа и молота. Среди объектов, подлежащих данной процедуре, оказалось Знамя Победы 1945 года. В ходе проходивших в Законодательном собрании бурных дискуссий был поставлен вопрос о замене изображенной на Знамени Победы советской символики, на политически более нейтральные символы. К примеру, депутаты от партии «Единая Россия» утверждали, что «на самом деле серп и молот – это партийные знаки РСДРП, которые появились при проведении Первого съезда РСДРП в Минске... и, соответственно, это был именно партийный символ, никакого отношения к стране победившего

⁵⁵ Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образносимволическом пространстве российской идентичности // Полис. 2016. С. 25–39.

социализма он не имел»⁵⁶. Однако депутаты от левых фракций (КПРФ и «Родина») продолжали настаивать на том, что отказ от изображений серпа и молота на Знамени Победы – это предательство памяти воевавших и погибших, попытка замолчать, что именно Советский Союз выиграл эту войну. Тем не менее, в результате рейтингового голосования в первом чтении был принят законопроект, предложенный «Единой Россией».

К законопроекту «О Знамени Победы» Госдума вернулась в марте 2007-го года, утвердив его во втором и третьем чтениях. Но «фильтр» Совета Федерации законопроект не прошел. Позицию большинства сенаторов тогда выразил Николай Рыжков: «...мы все делаем для того, чтобы растоптать историю... это мракобесие... плевок в адрес ветеранов»⁵⁷.

В начале апреля 2007 г. законопроект «О Знамени Победы» поступил на подпись президенту России, который счел необходимым провести дополнительные консультации с ветеранскими организациями, о чем и сообщил в своем письме в Госдуму. В итоге 25 апреля 2007 г. депутаты нижней палаты Законодательного Собрания вынуждены были признать, что предложение о замене серпа и молота на Знамени Победы на новую символику было исторически неоправданным. В канун Дня Победы 7 мая 2007 г. президентом РФ был подписан закон о Знамени Победы в новой редакции, который сохранял прежнюю советскую символику. Это была первая крупная победа противников курса на десоветизацию в современной России.

Попытки борьбы с советской символикой, с советской топонимикой продолжаются и по сей день: с публично демонстрируемых объектов убирается надпись «СССР», запрещаются или прячутся изображения Ленина и других видных государственных деятелей советской эпохи, объявляются неуместными публичные демонстрации красных флагов и знамен, переименовываются советские топонимы. Продовниками инициатив такого рода, как правило, выступают представители местных органов власти, деятели православ-

⁵⁶ Амелина А. Битва за Знамя Победы. Исторические хроники РАПСИ, 11.05.2017. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20170511/278536199.html

⁵⁷ Там же.

ных епархий крупных городов, руководители госкорпораций. Так, например, накануне празднования 50-летия первого полета человека в космос на рекламном плакате, выпущенном госкорпорацией «Роскосмос», на шлеме у Юрия Гагарина не оказалось привычной многим надписи «СССР»⁵⁸. Позже с юбилейного плаката, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, исчезли все символы, напоминающие о Советском Союзе, в том числе – красный цвет.

Приведем другой пример политики десоветизации. В 2013 г. по инициативе мэрии г. Екатеринбурга из центра города, а именно, с Плотинки была убрана и демонтирована Краснознаменная группа с изображением ордена Ленина, которым был награжден город Свердловск за трудовой вклад уральцев в Победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Тогда данный шаг объяснялся тем, что эта мера – временная, поскольку надо было на месте Краснознаменной группы поставить символические часы, отчитывающие время до открытия зимней Олимпиады в Сочи. Однако даже спустя восемь лет после демонтажа данного монумента, власти города отказались возвращать его на прежнее место, несмотря на неоднократные обращения ветеранских организаций. В одном из последних обращений говорилось: «Чиновники, которые приняли незаконное решение о сносе памятника, давно лишились своих постов. Те, кто пришел после них, многократно обещали вернуть Краснознаменную группу... но воз и ныне там. Демонтаж Краснознаменной группы был явным оскорблением памяти о войне. И не только те, кто причастен к сносе памятника, но и те, кто годами затягивают процесс его возвращения, разделяют за это ответственность. Сегодня, когда наша армия снова сражается с фашизмом, мы не готовы терпеть тех, кто прямо или косвенно поддерживает врага. И делает то же самое, что бандеровцы на Украине – уничтожает советские памятники, оскорбляет ветеранов, стирает память о Победе»⁵⁹.

⁵⁸ Koretsky S. Кому мешает надпись «СССР» на шлеме Гагарина? 21.02.2017. URL: <https://cccp.temadnya.com/1096547827448023108/komu-meshaet-nadpis-sssr-na-shleme-gagarina/>

⁵⁹ МаляновА.«Затягивать больше нельзя»: ветераны спецназа и ФСБ требуют вернуть Краснознаменную группу, 06.05.2022. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2022/05/06/22656269/>

Тем не менее, администрация города продолжает упорствовать в своем замысле поменять месторасположение Краснознаменной группы, заручившись экспертным заключением о том, что плотина городского пруда не сможет выдержать столь большую тяжесть монумента⁶⁰.

Вплоть до настоящего времени практикой замены советских названий улиц и площадей продолжают увлекаться руководители целого ряда областей и городов страны. Приведем несколько примеров.

Ульяновск. 24 апреля 2018 г. площадь Ленина в Ульяновске постановлением администрации города была переименована в Соборную площадь. Решение это с общественностью не обсуждалось и для горожан явилось полной неожиданностью. 26 апреля собралась Общественная палата Ульяновска, которая высказалась против переименования, однако впактую: постановление было уже принято и уже подписано ульяновским градоначальником. Сразу после этого в городе начались протестные волнения. Тогда, спустя 10 дней после принятия решения о переименования центральной площади, существовавшему при администрации города центру «Аналитика» был заказан телефонный опрос общественного мнения относительно переименования. Центр взял под козыrek и доложил, что большинство ульяновцев, согласно опросу, – за переименование! Но, как выяснилось, было опрошено всего 200 человек, погрешность опроса – 7%, а за переименование – 57%, а, может быть, и 50%.

В связи с явно заказным характером опроса, проведенным центром «Аналитика», Ульяновское региональное отделение движения «Суть времени» решило провести свой опрос, чтобы, наконец, узнать мнение горожан. Опрос был уличным, по случайной выборке, проводился во всех районах города, примерно в 50-ти точках. Всего было опрошено 10332 человека. Результаты данного опроса показали, что в подавляющем большинстве жители Ульяновска выступили против переименования площади Ленина (более 80%). Причем, среди молодежи (16–29 лет) против переименования площади Ленина высказалось 78%⁶¹.

⁶⁰ Малюнов А. В Екатеринбурге началось новое голосование за место для Краснознаменной группы, 16.05.2022. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2022/05/16/22657223/>

⁶¹ Крижанская Ю. Ульяновск: беспримерная конфузия,

В конце мая 2018 г. в Ульяновске состоялась много-людная протестная акция, организаторы которой заявили, что власть, убирая советские названия, «уподобляется бандеровскому режиму». Протесты поддержали представители КПРФ из разных регионов страны. Лидер коммунистов Г.А. Зюганов направил в адрес администрации г. Ульяновска телеграмму, в которой заявил: «Считаем недопустимой очередную бездумную попытку переписать историю нашей страны, «отменит» славное советское прошлое нашего Отечества! Ульяновск – это особый город – всем связанный с именем Ленина... От имени Коммунистической партии Российской Федерации, ее союзников и сторонников, от имени всех, кому дорого историческое наследие великого советского прошлого, решительно осуждаем этот акт мелкого политика и требуем вернуть имя В.И. Ленина в название главной площади города, где он родился»⁶².

Отметим, что власти Ульяновской области и города Ульяновска не пошли навстречу требованиям местных жителей об обратном переименовании площади Соборной в площадь Ленина. Несогласованное с общественным мнением решение администрации города о переименовании главной городской площади из площади Ленина в Соборную площадь продолжает оставаться в силе. Вот что ответил на вопрос журналиста одного из федеральных изданий по поводу возможности обратного переименования данной площади новый губернатор области А.Ю. Русских в январе 2022 г.: «Я не сторонник поднятия таких тем. Какую задачу он решит? Кто-то удовлетворит свои амбиции...»⁶³. А вот как отреагировал на практику переименования советских названий, осуществляющую областными и городскими органами власти, один из противников политики декоммунизации Дмитрий

19.05.2018. URL: <https://rossaprimalavera.ru/article/246d70f5>

⁶² Геннадий Зюганов направил телеграмму в Ульяновск с протестом против переименования площади Ленина, 29.05.2018. URL: <https://www.rline.tv/news/2018-05-29-gennadiy-zyuganov-napravil-telegrammu-v-ulyanovsk-s-protestom-protiv-pereimenovaniya-ploshchadi-leni/>

⁶³ Соборную площадь в Ульяновске не будут переименовывать обратно в Ленина, 19.01.2022. URL: https://ul.aif.ru/society/sobornuyu_ploshchad_v_ulyanovske_ne_budut_pereimenovyat_oobratno_v_lenina

Крайнов: «Мы как-то долго пребывали в заблуждении о том, что декоммунизация в России происходит не может, ведь Советская власть – это наша История, а к ней у нынешнего руководства России (формально) очень трепетное отношение. Однако, вдруг оказалось, что этот процесс идет и идет очень давно, но постепенно...»⁶⁴.

Важно отметить, что совершенно иначе, чем в Ульяновске, сложилась похожая ситуация, связанная с попытками заменить советские названия улиц и площадей на дореволюционные и политически нейтральные, в таких городах как Новосибирск и Таруса.

Новосибирск. В 2021 г. уже в пятый раз местными органами власти была предпринята попытка переименования площади Свердлова в площадь Александра Невского, а остановки транспорта «Площадь Свердлова» – в остановку «Храм Александра Невского»⁶⁵. Все началось с инициативы первого заместителя Законодательного собрания Новосибирской области, депутата от «Единой России» А.Б. Парфенова, который обратился за поддержкой своей позиции в Новосибирскую епархию, которую он успешно и получил. Однако против переименования выступили такие общественные организации как «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС), новосибирское отделение «Суть времени», а также представители научной и культурной интеллигенции Новосибирска. Все они обратились к мэру Новосибирска Анатолию Евгеньевичу Локтю с письмом, в котором говорилось, что «инициатива заместителя председателя Законодательного собрания Новосибирской области А.Б. Панферова о переименовании площади Свердлова в площадь Александра Невского и остановки «Площадь Свердлова» в остановку «Храм Александра Невского» идет вразрез не только с общей установкой федеральной власти на сглаживание внутреннего противостояния в российском обществе, но и с настроениями большинства наших граждан, не желающих в угоду определенным силам (либеральным или монархическим) ли-

⁶⁴ Крайнов Д. Декоммунизация в России – почему она происходит? URL: <https://vegvisir.media/dekommunizaciya-v-rossii-pochemu-on-a-proishodit-xl-xf0gHLtnF4BsubYmn4t-vi.html>

⁶⁵ Историки объяснили, почему десоветизация обернется крахом России, 02.07.2021. URL: <https://rvs.livejournal.com/3965492.html>

шаться важнейшей части своей истории – советской... Яков Свердлов был одним из создателей Советского государства, правопреемником которого считает себя современная Россия, крупнейшим государственным деятелем, вошедшим в историю страны. Отрицание советского периода есть отрицание целостности истории страны, формирование в ней «черных дыр», и делающие подобное люди никак не могут считаться патриотами своей страны... Новосибирск всем обязан советской власти: достижениями в науке, культуре, промышленности. Именно в советский период были построены заводы, Академгородок, Театр оперы и балета и многое другое...»⁶⁶.

Благодаря усилиям общественности, площадь Свердлова в Новосибирске удалось спасти от переименования. Данный случай рассматривается нами как пример убедительной победы сил гражданского общества над сторонниками курса на десоветизацию в области политики памяти, проводимого рядом представителей местной власти.

Таруса (Калужская область). 20 октября 2020 г. представители администрации города и депутаты Городской думы, приняли решение об изменении названий 15-ти улиц, названных в социалистическую эпоху в честь советских и революционных деятелей, советских организаций, и главной площади города – площади Ленина. Вот, что писал по данному поводу врио главы администрации города Таруса Руслан Владимирович Смоленский на своем аккаунте в Фейсбуке: «Сегодня, 20 октября, в городе Таруса состоялось, не побоюсь этого слова, историческое событие. Совместно с депутатским корпусом мы решили вернуть большинству улиц нашего древнего, красивого города их исторические названия...». При этом Р.В. Смоленский четко осознавал, что своими действиями он прокладывает дорогу процессу десоветизации, по поводу чего спешил оправдаться следующим образом: «Вступление в силу данного решения не означает десоветизацию, отмены завоеваний советского периода истории Тарусы. Этим решением мы лишь возвращаем историческому центру Тарусы наименования улиц, данные еще нашими предкам»⁶⁷.

⁶⁶ Шевченко Ю. Война с историей. Десоветизация в Новосибирске: переименование остановки «Площадь Свердлова» // Красная Весна. 2021. З апр. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/7404b02d>

⁶⁷ Токарева И. Шестнадцати улицам Тарусы вернут

В способе легитимации данного решения содержалась определенная доля лукавства, поскольку намерение реализовать стратегию десоветизации прикрывалось благородной формулой возвращения исторических, дореволюционных названий площадям и улицам.

Отметим, что решение местных властей Тарусы касалось следующих переименований: ул. Розы Люксембург – в ул. Посадскую, ул. Пионерскую – в ул. Огородную, ул. Урицкого – в ул. Лесопильную, ул. Луначарского – в ул. Кирпичную, ул. Карла Либкнехта – в ул. Тарусскую, ул. Энгельса – в ул. Ивановскую, ул. Свердлова – в ул. Овражную, ул. Карла Маркса – в ул. Полевую, ул. Декабристов – в Городскую набережную, ул. Каляева – в ул. Боголюбскую, ул. Нерезова – в ул. Широкую, Площадь Ленина – в Площадь Соборную, ул. Октябрьская – в ул. Воскресенскую, ул. Ленина – в ул. Калужскую, ул. Володарского – в ул. Прончищева, ул. Комсомольскую – в ул. Серпуховскую.

Принятое решение вызвало у жителей Тарусы бурные протесты. Прежде всего возмущались тем, что власти предварительно не провели опроса граждан относительно их согласия или несогласия на переименование конкретного топонимического объекта. Принимая решение о переименовании, депутаты подчеркнуто не шли на диалог с местными жителями. Кроме того, по мнению историков и краеведов, заявленное Смоленским возвращение исторических названий улиц на деле не имело никакого отношения к исторической правде. Некоторые из новых названий улиц города не только ранее не принадлежали переименованным улицам, но и никогда не звучали в Тарусе (например, улица Розы Люксембург почему-то переименовывалась в Посадскую, тогда как раньше называлась Кладбищенской⁶⁸).

Примечательно, что своим исторически неадекватным решением, а также нежеланием идти на диалог с жителями города депутаты гордумы и глава Тарусского района Смоленский настроили против себя не только большинство местных жителей, но также лидеров КПРФ. Так, Геннадий Андреевич

исторические названия, 21.10.2020. URL: <https://october-tarusa.ru/article/2420>

⁶⁸ Мостовщиков С. Конец того света, 02.11.2020 // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/02/87807-konets-togo-sveta>

Зюганов назвал действия властей Тарусского района провокацией и «унижением великой эпохи», сравнил акцию переименований с поведением бандеровцев, нацистов и фашистов на Украине⁶⁹.

Примечательно, что к протестам против переименования улиц на несогласованный митинг 7 ноября 2020 г. пришла даже городская молодежь, которая несла плакат: «Мы вам не овощи с улицы Огородной». Возможно, одним из значимых факторов, подстегнувших данный протест, стала дата советского праздника – День Октябрьской революции.

Скандал в Тарусе завершился 22 марта 2022 г., когда Городская дума отменила свое решение «Об утверждении перечня улиц города Тарусы, подлежащих переименованию»⁷⁰, что ознаменовало собой новую победу противников десоветизации российской политики памяти. По словам депутата Государственной думы, члена фракции КПРФ Юрия Вячеславовича Афонина, «этую победу нельзя недооценивать. Оскорблечение и унижение советского прошлого, уничтожение исторической памяти – это именно то, с чего начинал фашистский режим на Украине. Если мы не хотим пойти по этому пути, мы должны пресекать антисоветчину в зародыше. Погорому и быть не может в стране, где, по соцопросам, 75 % населения считает советский период лучшим в истории»⁷¹.

Описанные случаи российских коммеморативных практик, связанные с реализацией или нереализацией областными и городскими властями курса на десоветизацию под предлогом возвращения улицам и площадям прежних исторических названий, являются далеко не единичными. За-

⁶⁹ Геннадий Зюганов назвал провокацией переименование улиц в Тарусе, 26.10.2020. URL: <https://www.rline.tv/news/2020-10-26-gennadiy-zyuganov-nazval-provokatsiey-pereimenovanie-ulits-v-taruse/>

⁷⁰ Решение Городской Думы ГП «Город Таруса» четвертого созыва от 25 марта 2022 года № 8 «Об отмене Решения Городской Думы ГП «Город Таруса» № 12 от 20.10.2020 г. «Об утверждении перечня улиц города Тарусы, подлежащих переименованию». URL: <https://tarusagorod.ru/documents/42.html>

⁷¹ Афонин Ю.Юрий Афонин: «Попытка лишить улицы Тарусы советских названий окончательно провалилась», 02.04.2022. URL: <https://www.rline.tv/news/2022-04-02-yuriy-afonin-popytka-lishit-ulitsy-tarusy-sovetskikh-nazvaniy-okonchatelno-provalilas/>

мена советской топонимики на дореволюционную давно уже идет в стране полным ходом. Пресечь данный тренд – задача высших органов государственной власти и общественных институтов, выступающих за сохранение памяти о советской эпохе в массовом сознании, благодаря достижениям которой современная Россия смогла устоять и выдержать испытания «дикого» капитализма в 1990-е гг., оказалась способной и теперь достойно противостоять странам Запада в условиях обострения глобальной информационно-политической и экономической борьбы. Недаром, по мнению значительной части россиян (42%), в XXI в. наша страна должна стремиться вернуть себе статус супердержавы, который был у СССР. Именно через эту идею сильного государства и великой державы преломляются в сознании граждан образы и символы советской эпохи, актуализируя из их множества только те, которые прочно ассоциируются с порядком, силой, могуществом и безопасностью⁷².

Путь отказа от стратегии десоветизации пролегает через отказ от неолиберальной доктрины, а, следовательно, и от неолиберального дискурса политики памяти. Это требует интеллектуального перехода на новые идеологические позиции, отвергающие неолиберальную модель устройства общества в качестве образца для России.

Понимание того, что принятие неолиберальных установок не может стать опорой для превращения России в мощную мировую державу, обладающую необходимыми ресурсами для противоборства с Западом, впервые стало концептуально оформляться в выступлениях президента РФ В.В. Путина, как это было, к примеру, 20 сентября 2013 г. на Международном дискуссионном клубе «Валдай». Тогда центральным вопросом выступления Путина был вопрос о национальной идентичности, о самоопределении россиян в отношении пути, по которому должно идти дальнейшее развитие страны, о способах позиционирования России в условиях глобальной конкуренции. Президент тогда заявил, что для выбора реальных перспектив будущего развития, следует не только уходить от советской идеологии, но также и от идей фундаментального консерватизма, которые идеализируют Россию до 1917 г.,

⁷² Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое...
С. 33.

но «также далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма»⁷³. Под ультралиберализмом здесь подразумевался неолиберализм.

Более отчетливо критическая позиция Путина в отношении неолиберализма прозвучала в его интервью газете *The Financial Times* накануне открытия саммита «большой двадцатки»: «Либеральная идея устарела. Она вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения»⁷⁴.

В октябре 2021 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» Путин уже попытался сформулировать идею, альтернативную установкам неолиберализма под названием «разумный консерватизм» или «умеренный консерватизм»:

«Сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло именно в силу множащихся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности... И, скажем прямо, на предстоящий период мирового переустройства, которое может продолжаться довольно долго и окончательный дизайн которого неизвестен, умеренный консерватизм – самая разумная, во всяком случае, на мой взгляд, линия поведения»⁷⁵.

Кроме того, в своем выступлении перед сотрудниками и ветеранами Службы внешней разведки (СВР) 30 июня 2022 года В.В. Путин заявил, что современная модель неолиберального мироустройства – это обновленный вариант неоколониализма, в котором мир «избранных», куда входят государства коллективного Запада, попирает все права остальных государств: «...так называемый коллективный За-

⁷³ Путин В. В. Выступление В. В. Путина на Валдае, 20.09.2013. URL: <http://yablon.ru/blogs/vystuplenie-vv-putina-na-valdae/3038189>

⁷⁴ Похороны либерализма: с кем спорит Путин, 28.06.2019. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/06/28_e_12459667.shtml

⁷⁵ Иванов А. Путинская «доктрина умеренного консерватизма»: некоторые цитаты из выступления Владимира Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 22.10.2021. URL: https://zavtra.ru/events/putinskaya_doktrina_umerennogo_konservatizma; Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 21.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>

пад во многом попал, загнал себя именно в такую ловушку и в своих действиях исходит из того, что их модели либерального глобализма нет никакой альтернативы. А эта модель – будем называть вещи своими именами – является все тем же обновленным изданием неоколониализма, ничем иным, миром по-американски, миром для избранных, в котором права всех остальных попросту попираются. Наглядное подтверждение тому – судьба многих стран и народов Ближнего Востока, других регионов мира, а сегодня – и миллионов людей на Украине, которых Запад просто цинично использует как расходный материал в geopolитических играх, в своих попытках «сдержать» Россию⁷⁶.

Приведенные выше высказывания В.В. Путина, на наш взгляд, свидетельствуют о вызревании новой российской концептуальной модели глобального мироустройства, альтернативной неолиберальным установкам. Сегодня уже известны ее стратегические и ценностные контуры, представленные в проекте политики разумного консерватизма. Но каким образом данный проект сможет лечь в основание новой российской политики памяти – это большой вопрос.

I.2. Инфраструктура политики памяти

Настоящий раздел посвящен проблеме описания последовательно выстраиваемой инфраструктуры политики памяти в новых независимых государствах, появившихся после распада СССР на постсоциалистическом пространстве. Речь пойдет главным образом о странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

Основные элементы инфраструктуры политики памяти

Для адекватного понимания феномена политики памяти необходимо обозначить основные элементы ее инфраструктуры, к которым относятся:

1) органы государственной власти (законодательные, исполнительные, судебные), формирующие общий облик

⁷⁶ Владимир Путин поздравил сотрудников и ветеранов СБР со столетием нелегальной разведки, 30.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68790>

и стратегические установки национальных моделей политики памяти, особенности ее дискурса;

2) подчиненные государственным органам власти академические и образовательные институты, аналитические центры, которые разрабатывают идеино-теоретические основания и технологии для реализации политики памяти, осуществляют экспертную деятельность, готовят специалистов для пропагандистской и информационно-психологической работы с населением;

3) курируемые государством социально-политические институты и организации, занимающиеся проведением массовых коммеморативных практик (институты национальной памяти, мемориальные комплексы и музеиные центры, ветеранские, молодежные, национально-патриотические и иные общественные организации);

4) многоотраслевая медиа-система (книгоиздательства, кинематограф, СМИ и социальные сети), обеспечивающая пропагандистское продвижение дискурса политики памяти; система законодательства, осуществляющая правовую легитимность политики памяти;

5) бюджетные и внебюджетные средства, составляющие материально-финансовую базу для осуществления разнообразных коммеморативных практик политики памяти;

6) законодательная база политики памяти.

Под политикой памяти, существующей на постсоциалистическом пространстве, мы подразумеваем систему отношений по поводу государственной власти, преследующей своей целью утвердить господство национальной (по форме) компрадорской (по объективному положению) олигархической буржуазии, выросшей из обуржуазившейся бывшей социалистической крупной бюрократии и чиновничества путем конструирования новой исторической политики. Именно отсюда берут начало антикоммунизм и ненависть к идеалам солидарности трудящихся, крайний антисоветизм, готовый опуститься до объявления всего советского периода истории СССР сплошным преступлением.

На первых порах политика памяти стран ЦВЕ очаровывала своих неофитов призывами «возвращения к исторической правде», «восстановления исторической справедливости», «каждая страна имеет право на национализацию собственной истории». Появлялись новые фигуры исследователей, экспертов, аналитиков, организовывались раз-

нообразные конференции, симпозиумы, круглые столы, при поддержке зарубежных фондов проводились конкурсы вузовских и школьных учебников. В постсоциалистические годы парламенты новых государств постоянно принимали законы об увековечении памяти того или иного события национальной истории, а также законы, преследующие граждан и организаций за отрицание официально заданных государством концептов и нарративов политики памяти. Правительства стран вместе с региональными и местными органами власти занимались созданием «топонимических» комиссий по поводу переименования населенных пунктов, улиц, сноса прежних и установлению новых памятников⁷⁷. Особый размах получала деятельность государственных органов власти, связанная с реализацией политического курса на декоммунизацию.

В качестве своей важной составляющей инфраструктура политики памяти включает деятельность различных общественных организаций, движений и объединений, которые либо оказывают свою поддержку, либо противостоят официальному курсу новой национальной политики памяти. Другим неотъемлемым компонентом инфраструктуры политики памяти является ее медиасфера, которая включает традиционные (печать, радио, телевидение, кинематограф) и электронные медиаресурсы. Производство и широкое распространение посредством массмедиа продуктов политики памяти постсоциалистических государств вместе с ее новыми мифами и фейками позволяет сформировать в массовом сознании устойчивые образы прошлого, отвечающие интересам правящей элиты.

Перейдем далее к краткому рассмотрению некоторых ключевых компонентов инфраструктуры политики памяти.

Государственные организации: политико-правовая легитимация новой политики памяти

Ведущая роль в процессах реализации политики памяти принадлежит государству и прежде всего государственному политico-правовому ее обеспечению. Основоположни-

⁷⁷ Бегер В. О пахарях на «поле истории». Каждая страна имеет право на «национализацию» своей истории? 10.11.2010. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=19857>

ками и первопроходцами в данной области стали французы со своими «мемориальными законами», а затем эстафету подхватила Польша: Польский Институт Национальной Памяти был создан в соответствии с Законом об Институте национальной памяти – Комиссии по расследованию преступлений против польского народа от 18 декабря 1998 г.⁷⁸. Деятельность данного рода была взята на вооружение целым рядом других постсоветских государств⁷⁹. В 2015 г. Верховная рада Украины приняла закон, осуждающий нацистский и коммунистический тоталитарные режимы, запрещающий их пропаганду и публичную демонстрацию символики. Одной из главных позиций закона является признание коммунистического режима 1917–1991 гг. на Украине преступным, проводившим политику государственного террора. Затем Верховная рада приняла закон о правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX в., признающий таковыми все организации, которые боролись в XX столетии за независимость Украины, в том числе Украинскую повстанческую армию (УПА)⁸⁰. Украинские ветераны ОУН–УПА⁸¹ указом Президента Украины В. Ющенко от 29 января 2010 г. были признаны воюющей стороной и борцами за независимость Украины.

Свой активный вклад в правовое оформление этой политики вносили центральные власти Украины и органы местного самоуправления. Процесс формирования «новой национальной памяти» вылился в непрерывную борьбу с памятниками, а также с советской топонимикой⁸².

⁷⁸ Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu (IPN) [Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (ИНП)] (1998), см.: URL: <http://www.ipn.gov.pl/>

⁷⁹ См.: Положение об Украинском институте национальной памяти: Утверждено Постановлением Кабинета Министров Украины от 12 ноября 2014 года № 684 «Некоторые вопросы Украинского института национальной памяти». URL: <https://constitutions.ru/?p=20739>

⁸⁰ Организация, признанная в России экстремистской.

⁸¹ Организации, признанные в России экстремистскими.

⁸² Прощай, история: в Киеве занялись переименованием улиц и площадей, 06.11.2014. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/1234360-kiev/>

Украинская законодательная власть открыла широкий простор для развертывания многолетней и масштабной по своему размаху кампания под названием «Голодомор»⁸³. Смысловой образ Голодомора, сконструированный посредством государственного дискурса, представляет собой сакрализованный канон публичных презентаций исторического события, выход за пределы которого считается отклонением от политической, правовой и моральной нормы, то есть проявлением гражданской ереси. Кроме того, Голодомор можно рассматривать в качестве символического капитала, который функционирует в пространствах идеологии, политики, культуры. Он выполняет роль «товара», продвигаемого государственными структурами на национальном и международных рынках⁸⁴. Культ Голодомора, сформировавшийся на Украине, является своеобразной гражданской религией с присущей ей сакральными образами, символами, ритуальными практиками, освещаемыми разными группами служителей данного культа⁸⁵.

Главный идеино-политический посыл огромного мемориального комплекса, посвященного Голодомору, по замыслу его создателей связан с решением задачи противодействия созданному в России мифу об Украине как части России, а также – с внушением иностранным гостям идеи о глубоких исторических корнях сопротивления Украины российской агрессивной политике.

Подобные процессы стали происходить в ряде государств, представляющих постсоветское пространство: В Ташкенте, как и во всем Узбекистане, продолжают избавляться от наименований, оставшихся от советского прошлого. С каждым годом все ощутимее изменяется топонимическая карта столицы данной республики⁸⁶. В одной из статей,

⁸³ Касьянов Г.В. «Голодомор» как объект символической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 268–288.

⁸⁴ Там же. С. 269.

⁸⁵ Там же. С. 276.

⁸⁶ Волосевич А. Гимн национализму. За последние семнадцать лет в Ташкенте переименована половина улиц, 31.01.2008. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>

написанной по данному поводу, были подведены некоторые итоги такой деятельности: «В общей сложности с момента объявления независимости и до начала 2005 г. в Ташкенте из 3473 улиц, проездов и тупиков было переименовано полторы тысячи, то есть почти половина. Новая мифология создается буквально на глазах: и Ташкент, и всю республику создавали, строили и развивали исключительно представители титульной нации, достойные за это бытьувековеченными в названиях столичных улиц; всех прочих просто не существовало»⁸⁷.

Аналогичным образом усилиями государственной власти происходит процесс переозначивания символовических пространств в республиках Таджикистан и Казахстан. Согласно правительенному информационному агентству «Ховар» в Таджикистане, «целью переименования является пропаганда национальных ценностей, пробуждение исторической памяти молодого и подрастающего поколений о культуре предков и современной государственности таджикского народа»⁸⁸. Телеканал «Алматы» в Казахстане сообщал: «Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы. Новые названия получат 170 улиц, 50 из которых на сегодняшний день дублируются»⁸⁹.

В постсоветской России помимо топонимических переименований и сноса памятников, относящихся к советской эпохе, шли процессы, связанные с пересмотром личного состава пантеона героев путем зачисление в его ряды новых персон, сражавшихся с советской властью. Так, к примеру, при участии высокопоставленных представителей власти в стране были установлены памятники Колчаку, Врангелю, Каппелю и другим белым генералам. Была открыта памятная доска генералу Маннергейму в Санкт-Петербурге, колаборационистам Краснову и Кононову. В Уфе в честь З. Валиди – участника создания эсэсовских

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ В Таджикистане переименовали последний город с русским названием Чкаловск, 02.02.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>

⁸⁹ Косенов А. Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы, 14.04.2014. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almatyi-253603/

легионов (Туркестанского, Азербайджанского, «Идель-Урал») и боевой группы «Крым» – были названы улицы, а также университет и гимназия. Демонстративно была переименована ул. М. Фрунзе, невзирая на то, что Фрунзе, как известно, героически сражался с белогвардейцами и басмачеством, в одной из организаций которых Валиди играл немаловажную роль.

Российская неолиберальная власть в своей коммеморативной политике достигла антисоветского апогея, когда для того, чтобы вычеркнуть из памяти собственного народа Великую Октябрьскую социалистическую революцию, изобрела два новых государственных праздника – День народного единства (4 ноября) и парад в честь годовщины парада войск, уходивших на фронт 7 ноября 1941 г.

Готовность отказаться от прежних нарративов, касающихся истории советского периода, в 2010 году привела к тому, что Государственная Дума, по сути, поставила СССР в один ряд с фашистской Германией, когда приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах», в котором признала, что массовый расстрел польских граждан в Катыни был произведен согласно прямому указанию Сталина и других советских руководителей и является преступлением сталинского режима. Через два года ЕСПЧ классифицировал трагедию в Катыни как военное преступление. В итоге Польша, которую Советский Союз освободил от фашистских захватчиков, вдруг оказалась на ступеньку выше СССР, поскольку последний предстал в роли агрессора, уподобленный фашистскому режиму Гитлера. И сделано это было не Западом, а российской властью⁹⁰. Что же касается хорошо документированного польскими историками преступления – уничтожения 80 тыс. красноармейцев, попавших в плен в Польше в 1920 г., – этого «европейской демократической стране» в вину никто не поставил.

Государственное правовое творчество, касающееся развития новой политики памяти, получает свое широкое применение в прибалтийских республиках. Так в Эстонии сразу после распада СССР была создана «Комиссия по расследованию репрессивной политики оккупационных сил» (ГКРРПОС), которая занялась подсчетом убытков, по-

⁹⁰ Кравченко Л.И. Ревизия победы, 08.09.2017. URL: <https://cont.ws/@sulakshin/609918>

нанесенных эстонцами от советской оккупации с целью получения материальной и денежной компенсации. В этой связи была издана «Белая книга Эстонии», в которой говорилось, что ущерб, нанесенный советской армией, эстонцы оценивают в 4 млрд \$⁹¹. В материалах Комиссии утверждается, что в результате раз渲ала Советским Союзом сельского хозяйства республики Эстонии был нанесен ущерб в 3 млрд руб. СССР был признан виновным в загрязнении поверхностных вод (ущерб – 20 млрд руб.), и грунтовых вод (ущерб – 60 млрд руб.). Изъятие Советским союзом у Эстонии сланцевых ресурсов для производства энергии специалисты Минюста оценили в 5–9 млрд руб. Ко всему прочему добавилось и неэффективное использование фосфорита (ущерб – 290 млн руб.).

Однако, если взглянуть на то, что Эстония получила от «оккупантов», то оказывается, что в советские годы в республике была создана первоклассная инфраструктура: за годы «советской оккупации» валовая продукция в промышленности возросла в 55 раз, объем капиталовложений – в 30 раз, урожайность и сборы зерновых увеличились вдвое. В республике в 1986 г. вступил в строй Новоталлинский морской порт (сейчас – Мууга). Его называли самым дорогим инфраструктурным проектом послевоенной Европы – стоимость порта оценивалась в 6 млрд \$⁹².

Одновременно с Эстонией другая прибалтийская республика, Латвия, потребовала от России 185 млрд евро – именно в такую сумму, якобы, обошлось стране вхождение в состав СССР⁹³. Однако, еще следует выяснить, кто на самом деле кому должен. По оценкам экономистов стоимость всех предприятий, больниц, школ, квартир и всего остального, что было построено в Латвии в советский период, составляет не менее 60 млрд \$. С учетом инфляции американской валюты с 1940 года, когда Латвия вошла в состав СССР

⁹¹ Вредина Н. Витрина социализма. Какое наследство получила Эстония от Советского Союза, 06.08.2019. URL: https://aif.ru/money/economy/vitrina_socializma_kakoe_nasledstvo_poluchila_estoniya_ot Sovetskogo_soyuza

⁹² Там же.

⁹³ Хованская А. Латвия требует 185 миллиардов евро за «советскую оккупацию». Но это кто еще кому должен? 18.04.2016. URL: <https://www.kp.ru/daily/26518/3535083/>

и до момента распада Союза, данная сумма будет уже равна 200 млрд \$, что сопоставимо с нынешними претензиями страны к России в размере 185 млрд евро. Но с учетом того, что примерно 25% ВВП нынешней Латвии дают российские платежи за транзит по построенным в советские времена нефтепроводам. В связи с этим Россия вполне может выдвинуть встречные финансовые претензии к Латвии.

Следует также отметить, что в современной Латвии сложилась мощная инфраструктура, состоящая из целого ряда государственных и общественных организаций, проводящих в жизнь антисоветскую политику памяти. В её состав входят Латвийский институт истории, Конгресс историков Латвии, Общество по изучению оккупации Латвии (ОИОЛ), фонд «Малая библиотека истории Латвии», Центр документации последствий тоталитаризма при Бюро по защите Конституции, Военный музей Латвии, Музей оккупации Латвии. Еще в 1998 г. латвийский парламент принял особыю разъясняющую декларацию «О латышских легионерах во второй мировой войне»⁹⁴, где указал, что все латышские эсэсовцы, как добровольцы, так и мобилизованные, были намерены лишь защитить Латвию от сталинского режима. В декларации особо подчеркивалось, что латышские эсэсовцы ни в коем случае не воевали против западных стран, но только исключительно против Советского Союза, из чего авторы документа делают практические выводы: «Поэтому обязанностью латвийского правительства является: 1) требовать от оккупировавших государств и их правопреемников, чтобы они согласно нормам международного права возместили гражданам Латвии, членам их семей и их наследникам убытки, понесенные в связи с противозаконной мобилизацией в армии оккупировавших государств; 2) заботиться о предотвращении попрания чести и достоинства латышских солдат в Латвии и за рубежом»⁹⁵.

Активно включились в процесс реализации установок новой политики памяти исполнительные и судебные органы власти. Была осуществлена прямая конвертация новых идей исторической памяти в практические формы государственно-политического преследования, к примеру, в виде люстраций.

⁹⁴ Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне (1998). URL: <https://www.nacionalaapvieniba.lv/valodas>

⁹⁵ Там же.

Наиболее активно этим занялись специализированные организации в бывших социалистических государствах Центральной и Восточной Европы: в Чехии – это Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма, в Словакии – Институт национальной памяти, в Венгрии – Институт истории венгерской революции 1956 года, в Румынии – Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии, в Германии – Федеральный уполномоченный по Архивам Штази.

Массмедиа как медиатор официальной политики памяти

Инфраструктура политики памяти развивается в нескольких направлениях, в том числе путем широкого использования массмедиа⁹⁶ с их многообразными информационными технологиями. Система массмедиа как ключевой элемент любого информационного пространства рассматривается нами в качестве медиатора (посредника) между официальным дискурсом политики памяти и аудиторными группами, который формирует и выстраивает в заданном официальными кругами русле коллективную память широких масс населения.

Как медиатор политики памяти массмедиа формируют определенные способы интерпретации, оценивания и репрезентации прошлого, закрепляя в массовом сознании его устойчивые модели и образы, инициируя исторические дискуссии. Иначе говоря, в современном обществе развитие политики памяти совершенно невозможно без массового усвоения и воспроизведения медиатизированных нарративов, концептов и представлений о прошлом. Нет смысла создавать специализированные Центры и Институты политики памяти, если результаты работы ученых не будут спроецированы на массовое сознание в целях управления им нужном направлении. Любое учреждение новой памятной даты, если данный факт не будет растиражирован в средствах массовой информации, не получит должного общественного отклика.

⁹⁶ Массмедиа – понятие, включающее и традиционные СМИ (периодическую печать, радио, телевидение), и сетевые издания, и так называемые новые медиа.

Вместе с тем, вопрос о роли массмедиа в закреплении и продвижении в массовом сознании установок официальной политики памяти до сих пор очень слабо исследован в современной научной литературе. Сегодня мы можем назвать весьма немногочисленную группу авторов, которая так или иначе поднимала данный вопрос⁹⁷. О том, что существует серьезный пробел в области изучения массмедиа как важного инструмента продвижения существующих дискурсов политики памяти, а также в качестве информационно-просветительской площадки для проведения публичных дискуссий между экспертами, защищающими ту или иную версию прошлого, неоднократно поднимался известными, а также молодыми исследователями⁹⁸. Однако до сих пор дело продвинулось не на много, хотя некоторые продуктивные подходы к решению данной проблемы авторами указываются. К примеру, в статье одного молодого исследователя говорится о мощном потенциале современных медиа, вклю-

⁹⁷ Миллер А.И. Политика памяти и СМИ, 10.02.2017. URL: <http://analitikaru.ru/2018/02/10/politika-pamyati-i-smi/>; Сафронова Ю.А. Институты медиа памяти. Вопросы без ответов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: колл. моногр. / под ред. А.И. Миллера. Д. В. Ефременко. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 376–390; Олешико В.Ф., Олешико Е.В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 470 с.; Николайчук И.А., Янглиева М.М., Якова Т.С. Управление прошлым и защита интересов государства // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2 (59). С. 183–203; Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. / отв. ред. Янглиева М.М. Москва: Фак. журналистики МГУ, 2019. 106 с.; Zelizer B. Journalism's media work // Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning, S. Young. B. New York: De Gruyter, 2008. P. 379–388; Garde-Hansen J. Media and memory. Edinburgh: Edinburg Univ. Press, 2011. 184 p.; Van Dijck J. Mediatried memories in the digital age / Ed. by M. Neiger, O. Meyers, T. Zandberg. New York: Palgrave Macmillan, 2011 и др.

⁹⁸ Миллер А.И. Политика памяти и СМИ; Гнатченко А.И. Влияние средств массовой информации на формирование исторической памяти населения // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 6 (84), ч. 2. С. 50–55 и др.

чая телевидение, для реализации просветительских целей в сфере получения исторических знаний, однако для этого следует решить ряд проблем: «Первая заключается в том, что просветительские телевизионные проекты значительно уступают по охвату и вовлеченности аудитории более популярным жанрам и направлениям... Вторая проблема является следствием первой... просветительские программы оттесняются на менее популярное время – утренние часы, ночное время будних дней и т.п. Третья проблема... заключается в планомерном ухудшении соответствующих проектов – руководство каналов меньше в них заинтересованы, осуществляется низкое бюджетирование, продукт реализуется на невысоком уровне и не отвечает требованиям современной аудитории. Таким образом программы о науке и... истории, будучи крайне важными для поддержания общественных и духовных ценностей, все же оказываются в слабой позиции в высококонкурентной рейтинговой среде». В итоге автор приходит к выводу, что историко-просветительское направление на отечественном телевидении нуждается в серьезном реформировании и качественном обновлении в соответствии с особенностями зрительского восприятия⁹⁹.

Укажем еще на одну важную проблему, которую надо решить в ближайшее время – формирование журналистских кадров, способных создавать и продвигать высококачественный историко-просветительский контент в современной медиасфере. Иначе говоря, нужны профессиональные кадры, способные эффективно работать в области медиатизации политики памяти.

Тем не менее, сегодня мы можем выделить определенный спектр тем, относящихся к изучению медийных средств формирования в массовом сознании представлений о прошлом, отвечающих установкам официальной политики памяти. В одной из статей, посвященных проблеме управления прошлым, отмечалось, что вопросами управления историческим прошлом сегодня занимаются представители самых разных профессий. Это – и известные тележурналисты, го-

⁹⁹ Колбасов С.А. Историческая журналистика как способ реализации просветительской функции на современном российском телевидении// Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 120–122. URL: <https://moluch.ru/archive/392/86480/>

тования передачи на исторические темы с новой, актуальной трактовкой событий, и скромный муниципальный служащий, которому дано поручение сделать так, чтобы местный аэропорт «по требованию жителей» был назван в честь определенной исторической личности, и крупный ученый-педагог, пишущий важную программную статью о новой концепции исторического образования, и штатный сотрудник, к примеру, польского Института национальной памяти (ИНП), т.е. исторический полицейский, занятый не столько разработкой теории «двух оккупаций – нацистской, а затем советской», сколько функциями, более свойственными спецслужбам: составлением дел по уголовному преследованию за преступления против польского народа или проверкой прошлого людей, занимающих государственные должности¹⁰⁰.

Для нас предметная область управления прошлым полностью совпадает с идеино-стратегическими установками и формами практической реализации политики памяти, поскольку обе дисциплинарные области связаны с анализом способов конструирования, интерпретации и репрезентации прошлого, а также – с применением инструментов его запечатления в массовом сознании¹⁰¹.

При обращении к вопросу о массмедиа как о медиаторе официального дискурса политики памяти следует, на наш взгляд, учитывать, что обращенные к СМИ установки политики памяти, обычно носят двойственный характер: с одной стороны, они направлены на укрепление в массовом сознании особо значимых для официальной политики памяти зон памяти в отношении конкретных исторических событий, персон, институтов, мест, а, с другой стороны, нацелены на формирование зон забвения, связанных с использованием медийных процедур стирания из народной памяти определенных воспоминаний о прошлом.

Двойное назначение массмедиа в области продвижения в массовом сознании официальных установок политики памяти продемонстрируем на примерах медийного освещения темы Мюнхенского соглашения 1938 г. в западных СМИ.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В.Полетаев. Москва: Издат. дом Гос.ун-та–Высш.шк. экономики, 2005. С. 5–10; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти... С. 160.

Мюнхенское соглашение или как его называют в отечественной исторической литературе «Мюнхенский говор» – один из ключевых событий, открывших дорогу ко Второй мировой войне. Более 80 лет назад 30 сентября 1938 г. на конференции глав правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини) было подписано соглашение о передаче гитлеровской Германии Судетской области Чехословакии. Именно это соглашение позволило серьезно упрочить позиции Германии на международной арене и в дальнейшем развязать Вторую мировую войну¹⁰². СССР призывал тогда Британию и Францию дать совместный отпор агрессору, но Лондон и Париж проигнорировали этот призыв Москвы.

Следует отметить, что большинство зарубежных СМИ в год 80-летия подписания Мюнхенского соглашения прореагировали на данное событие как на очередной информационный повод для внедрения в массовое сознание именно тех идей и формул общеевропейской политики памяти, которые отвечают интересам правящих элит. Понятие «Мюнхен» рассматривается европейскими СМИ не как символ исторической трагедии, а в качестве обычной переговорной истории. В итоге «из общественной памяти вымывается представление о Мюнхенском говоре как о событии катастрофическом для мировой истории»¹⁰³.

Контент-анализ европейской прессы показывает, что европейские СМИ либо смягчают меру ответственности лидеров Великобритании, Франции, Германии и Италии за совершенное политическое преступление в виде расчленения Чехословакии, называя их поведение в Мюнхене «политикой умиротворения», либо перекладывают данную ответственность друг на друга. При этом весьма любопытно, что граждане современной Чехии, которая стала главной жертвой «политики умиротворения» оказываются лидерами по частоте запросов темы «Мюнхенский говор» в системе *Google*.

Рассмотрим кратко особенности и способы медийного освещения Мюнхенской конференции 1938 г. в зару-

¹⁰² Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. / отв. ред. Янглиева М. М. Москва: Фак. журналистики МГУ, 2019.

¹⁰³ Якова Т. С., Янглиева М. М. Историческая память о Второй мировой войне: современный ментальный ландшафт Европы // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2652>

бежной прессе, получившей освещение в сборнике статей «Мюнхен-38 в массмедиа разных стран» (М., 2019) и в статье М. М. Янгловой «Эхо Мюнхена», опубликованной в электронном журнале «История»¹⁰⁴.

Основными медийными источниками для авторов стали статьи, размещенные в британских периодических изданиях (*The Guardian*, *Mirror Herald*, *The Independent* и др.)¹⁰⁵, во французских СМИ (*Le Figaro*, *L'Humanité*, *Le monde diplomatique*)¹⁰⁶, в ежедневной итальянской газете *Il Giornale* («Иль Джорнале»), в общенациональной немецкой газете *Die Welt* («Ди Вельт»).

Так, в статье «Мюнхенское соглашение – архив, сентябрь 1938» (“The Munich Agreement – archive, September 1938”), размещенной на сайте газеты *The Guardian*, в центре внимания оказалось возвращение из Мюнхена Н. Чемберлена, который заявил публике, что привез ей мир. Автор, говоря о том, что слова Чемберлена были несправедливыми, тем не менее, не дает должной оценки его поведению, а быстро переходит к критике главного виновника происшедшего события – Гитлеру, который, якобы, пользуясь своей властью, подавил и обманул европейские державы и их лидеров.

Другая публикация «Мюнхенское соглашение: Выбор диктаторов Дьявола» (“Munich Agreement: The Choice of Evil Dictators”), размещенная на сайте *Mirror Herald*, начинается с фразы о том, что Мюнхенское соглашение было заключено с благой целью – избежать войны, но это, тем не менее, не оправдывает его участников. Данная статья, пожалуй, единственная из всей британской прессы, где говорится об унизительном положении Чехословакии, которую не допустили на переговоры, а лишь заставили подписать акт о передаче Судетской области Германии. В этой связи в статье несколько раз произносится выражение «мюнхенское предательство», упоминаются также Польша и Венгрия, принявшие участие в «бессовестном разделе Чехословакии».

¹⁰⁴ Янглева М. Эхо Мюнхена // Историк. 2020. № 10. URL: <https://xn-h1aagokeh.xn-p1ai/posts/2020/10/13/echo-muunhena.html>

¹⁰⁵ Ушакова М.В. Мюнхен-1938 в британской прессе 2018 г. // Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. С. 56–60.

¹⁰⁶ Мишина Ю.О. Мюнхен-1938 во французских и франкоязычных СМИ 2018 г. // Мюнхен-38 в массмедиа разных стран: сб. ст. С. 61–65.

Однако, высказанные в статье критические заявления принадлежат не автору, а группе профессиональных историков, на которых он ссылается.

В статье Д. Гиза «Новый ключ к поиску шпионских документов, которые загадочно исчезли после печально известного пакта Британии с Гитлером» («New clue in hunt for spy documents that mysteriously vanished after Britain's infamous pact with Hitler»), опубликованной в издании *The Independent*, сообщается, что в британских протоколах отсутствуют 1 750 разведывательных отчетов, которые были созданы за четыре месяца до Мюнхенского сговора и за три после него. Редакция *The Independent* обнаружила, что до 1968 г. эти документы находились в центре правительенной связи, после чего никто их не видел. Никаких версий относительно данных сведений автор не выдвигает, а просто описывает историю захвата Чехословакии по хронологии. В заключение статьи он приходит к выводу, что ко Второй мировой войне мир привели Германия и Франция, хотя в статье практически отсутствуют материалы, говорящие об ответственности Н. Чемберлена за проведение политики «умиротворения» Гитлера¹⁰⁷.

Во французской прессе наших дней даются оправдания действий президента Э. Деладье в Мюнхене, а основные акценты смешены в сторону обвинений Кремля за стремление во всем искать вину Запада. К примеру, в *Le Figaro* 19 сентября 2018 г. вышла статья «Москва ссылается на Мюнхенские соглашения, чтобы сделать выговор западным странам» (“Moscou invoque les accords de Munich pour admonester les Occidentaux”), в которой автор вместо признания вины своей страны в разделе о Чехословакии выдвигает ответное обвинение Советскому Союзу в разделе, посвященном Литве, а также упрекает Кремль за то, что Москва «никогда не станет ворошить наследие Второй мировой войны, выбирая своей любимой мишенью Запад, особенно Европу»¹⁰⁸. Кроме того, автор статьи смешает фокус своего анализа от Мюнхена в сторону пакта Молотова-Риббентропа, заключенного почти на год позже, с целью возложения гораздо большей ответственности за развязывания мировой войны именно на СССР, а не на Францию и Британию.

¹⁰⁷ Ушакова М.В. Указ. соч. С. 59.

¹⁰⁸ Янглева М. Эхо Мюнхена.

Выводам Le Figaro вторит Le Monde diplomatique. По мнению издания, следствием Мюнхенских соглашений явился германо-советский пакт о ненападении, который, собственно, и стал подлинной прелюдией к началу Второй мировой войны.

Бывшая коммунистическая газета «Юманите» решила пойти другим путем, но результат оказался тот же – Франция невиновна. Так, в материалах «Вторая мировая война. Мюнхенские соглашения или капитуляция» (“Seconde guerre mondiale. Les Accords de Munich, ou la capitulation”) и «Мюнхенские соглашения: во имя пацифизма, рождение войны» (“Accords de Munich: au nom du pacifisme, la naissance d'une guerre”) при сравнении Даладье и Чемберлена о последнем говорится следующее: «Невилл Чемберлен был уверен в том, что он преуспел в сохранении мира»; «Чемберлен думал, что он принес мир «маленьким листком бумаги»; «Невилл Чемберлен помахал перед толпой подписанным соглашением, заявляя: «Фюрер – это человек, на которого можно рассчитывать, если он дал слово». Недальновидность британского премьер-министра противопоставляется ответственности премьер-министра Франции: «Даладье осознавал трагизм ситуации, но поступил единственным верным способом, в то время как Чемберлен преувеличил свое влияние на мировую ситуацию и не отдавал себе отчета в том, какой документ подписал». Предполагалось, что неуверенный, но ответственный Даладье должен был вызвать у современной аудитории большую симпатию, чем Чемберлен.

Современная итальянская пресса также перекладывает всю вину на Чемберлена. Так, в статье «Пацифистский договор подарил Гитлеру половину Европы» (“Il patto pacifista di Monaco regalò a Hitler metà Europa”), опубликованной в Il Giornale, приводится историческая справка, в которой действия Франции и Великобритании называются «предательством союзника и жестом высокомерия», а Чехословакия обозначена понятием «беззащитное государство». Главный акцент статьи – критика действий Чемберлена, которого автор пытается принизить. Он рисует его образ на контрасте с образом Уинстона Черчилля, с которым связаны «волевые решения», «готовность к борьбе». В финале автор статьи проводит параллель между 1938 г. и многими современными событиями, которые могут обернуться такой же катастрофой, как и Мюнхен. Статья завершается

пафосной фразой: «Каждый день, на каждой широте создается новый Мюнхен, в котором может повториться решение Чемберлена». Об Италии и ее роли в этом событии ничего не сказано¹⁰⁹.

Современная немецкая пресса в 2018 г. тоже активно писала на тему Мюнхена, строила версии относительно того, как бы повернулась история, если бы экспансию Рейха удалось предотвратить. Так, общенациональная газета *Die Welt* опубликовала материал, в котором дается толкование событий с точки зрения «нераскрытым истории». Автор статьи – специалист по истории нацизма Свен Феликс Келлерхоф – анализирует эссе военного историка из Гамбурга Бернда Вегнера, который опирается на статью Ивана Пфаффа «Способы защиты Чехословакии в 1938 году без союзников». В основе статьи лежит следующее предположение: а что, если бы президент Чехословакии Эдвард Бенеш вопреки давлению со стороны Лондона и Парижа решил противостоять в военном отношении политике аннексии Германии? Цепочка домыслов насчет сопротивления Чехословакии привела автора к смелому заявлению о возможной отставке Гитлера. Помимо осуждения действий Чемберлена нелестными словами поминается и Иосиф Сталин. Речь о Сталине идет в контексте того, что неизвестно еще, как повел бы себя СССР, если бы Германия в 1938 г. решила напасть на него раньше, чем на Чехословакию. Автора интересует вопрос, обратился бы СССР за помощью к чехам или нет. Ответа на вопрос он не дает, однако при этом подчеркивает непредсказуемость советского вождя¹¹⁰.

На основе изучения зарубежной прессы, освещавшей такое поворотное событие истории XX в., каким является Мюнхенский сговор 1938 г., можно сделать вывод о том, что западные массмедиа, ангажированные властными структурами, всегда стремятся выяснить в положительном свете роль и значение правящих кругов собственной страны, перенеся при этом всю ответственность за допущенные ошибки на представителей других государств. К тому же для западных СМИ весьма характерен прием смещения акцентов в сторону известного стереотипа: во всем виновата Россия, и при этом неважно, о каком исторический периоде идет речь.

¹⁰⁹ Янглева М. Эхо Мюнхена.

¹¹⁰ Там же.

Основные выводы

1. В новой политике памяти безраздельно господствует именно *политика*, связанная с защитой вполне корыстных интересов неолиберальных элитарных групп, готовых привести любые исторические обоснования своего безраздельного политического и экономического господства. Новая политика памяти, создаваемая неолиберальной элитой, является орудием предъявления к СССР и к России целого комплекса идеологических, политических, экономических и территориальных претензий и требований: признать ответственность за развязывание Второй мировой войны, компенсировать экономический ущерб за «оккупации», вернуть «утраченные» территории, покаяться перед всем миром за «преступления сталинизма» и в перспективе прекратить существование в качестве суверенного государства.

2. Создаваемая неолиберальными властями инфраструктура новой политики памяти глубоко враждебна коренным интересам народов бывшего СССР. Только этим можно объяснить постоянные провалы данной политики при проведении различных акций. Однако этим опасности не исчезают: новая политика памяти враждебна также интересам мирового сообщества, поскольку обосновывает слом существующего крайне хрупкого политического миропорядка, достигнутого на основе соблюдения ялтинско-потсдамских соглашений, ведя дело к слому всей прежней системы международных отношений для обеспечения безоговорочного господства транснационального финансового капитала во главе с монополиями США¹¹¹.

3. Инфраструктуре новой политики памяти сегодня придаются разнообразные признаки респектабельности, солидности, научности и т.п. Однако постоянное скатывание к пропаганде политики антисоветизма, особенно при организации музеев и экспозиций, проведении юбилеев и других акций, выдает ее истинное предназначение в качестве орудия если не межнациональной ненависти, то, как минимум, национальной ограниченности.

¹¹¹ Ларина Е. Военно-разведывательно-финансовый комплекс США. Видимая часть айсберга, 19.04.2015. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1914526.html#ixzz3XCW5K7SL>

I.3. Фактор исторического воображения в структуре современной политики памяти

В настоящем разделе представлен теоретический анализ фактора исторического воображения, который рассматривается в качестве структурного компонента современной политики памяти. Иерархия основных понятий, на которых зиждется сфера *memory studies* (среди них и «историческая политика», и «политика памяти», и «политическое использование прошлого»¹¹²), говорит о доминировании в данной области исследований структурно-функционального анализа. В связи с этим, дальнейшие наши рассуждения о встраивании фактора воображения в существующую структуру будут, преимущественно, строиться в логике этого подхода, тогда как другие методологии будут представлены в виде «частных случаев», позволяющих преодолеть внутренние ограничения, присущие структурному функционализму.

Среди этих ограничений следует, прежде всего, выделить ставку, которую структурно-функциональный анализ делает на инструментальном характере проводимых исследований. В связи с этим, когда речь заходит о политике памяти, в большинстве случаев мы имеем дело с обезличенной структурой, которая разворачивается тем или иным образом, чтобы предложить адекватный «инструмент» для выполнения поставленной задачи: в частности, использования прошлого в политических целях. Таким образом, если описывать ситуацию в хайдеггеровских терминах, анализ фактора воображения в структуре политики памяти позволяет преодолеть зацикленность структурного функционализма на так называемых *means-to-an-end schema*¹¹³.

Во-вторых, такие ключевые понятия как «политика памяти» и «историческая политика» часто подаются как синонимичные, в том числе и в силу того, что с точки зрения такого сугубо утилитарного подхода наличие в одном из понятий такого слова как «память» не имеет принципиального значения, поскольку его приверженцы не видят в коллективной памяти ничего кроме манипулируемого

¹¹² Методологические вопросы изучения политики памяти. Москва; Санкт-Петербург, 2018.

¹¹³ Heidegger M. The Question Concerning Technologies. New York; London: Garland Publishing. 1977. P. 3–36.

объекта, лишенного собственного онтологического веса¹¹⁴. Подобная интерпретация феномена памяти будет рассмотрена нами в дальнейшем, поскольку, не отрефлексировав данную позицию, затруднительно будет выйти на проблематику «исторического воображения» в рамках «политики памяти».

Настоящий раздел не претендует на статус дисциплинарного прорыва, раз и навсегда изменившего бы *status quo* всей области, но стремится выступить с аргументированным предложением еще одной исследовательской оптики, которая вполне могла бы обогатить методологический опыт предшественников.

Каким образом можно приблизиться к реализации задуманного? В первую очередь, нам необходимо обнаружить своего рода «точку проникновения», через которую фактор «воображения» сможет корректно – по возможности, не вступая в противоречие с существующей структурой – введен в предметную область политики памяти. Есть основания полагать, что в качестве такой точки может выступить «символическая политика» как смежная с «политикой памяти» категория *memory studies*, поскольку «воображение» так или иначе является основой образного мышления человека, в то время как символическая политика имеет дело с производством и навязыванием людям определенных образов реальности, которые по тем или иным причинам выгодны власть имущим¹¹⁵.

Здесь, по меньшей мере, можно привести две точки зрения относительно структурных взаимосвязей между «политикой памяти» и «символической политикой», поскольку дебаты между ними выступают наглядной иллюстрацией того, насколько существенным в *memory studies* является предварительный выбор исследовательской оптики. Значимый отечественный специалист в области политического дискурс-анализа и коммуникаций О.Ю. Малинова во введении к сборнику научных статей «Символические

¹¹⁴ Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера, М.А. Липмана. Москва: Новое лит. обозрение, 2002. 648 с.

¹¹⁵ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90–105.

аспекты памяти в современной России и Восточной Европе» предложила собственное прочтение этой иерархии и, что неудивительно, сделала это с дискурсивных позиций, то есть рассмотрела ее через призму совокупности публичных взаимодействий, столкновения дискурсов в борьбе за гегемонию в области интерпретации значимых событий прошлого¹¹⁶.

«Символическая политика» выступает здесь куда более всеобъемлющим понятием и включает в себя «политику памяти» как ее некий «частный случай». Согласно О.Ю. Малиновой, в анализе мы всегда сталкиваемся с целой плеядой символически насыщенных дискурсов, которые воспроизводят разные (в том числе, противоречащие) способы интерпретации реальности в борьбе за доминирующую позицию. Дискурс, победивший в данной борьбе за легитимность, начинает формировать актуальную повестку политики памяти¹¹⁷. Следовательно, прежде всего, О.Ю. Малинова видит в конкретных методах изучения «политики памяти», к которым относятся исследование нарративов, музейные, другие коммеморативные практики, исторические реконструкции, инструментарий символической политики. Но это совершенно не означает обратного, а именно, что каждый элемент обширной структуры символической политики найдет свое отражение именно в структуре политики памяти как явления более частного по отношению к нему.

Таким образом, выстраивая собственные рассуждения с дискурсивных позиций, мы будем вынуждены признать, что введение фактора «воображения» в предметною область исследования через символическую политику не гарантирует нам раскрытие его в структуре «политики памяти» – более органичным было бы сконцентрироваться уже на структурных аспектах «символической политики» как таковой, а «политику памяти» просто вывести из основного фокуса исследования. Однако возразить такому подходу к пониманию категориального аппарата гото-

¹¹⁶ Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 2021. С. 7–37.

¹¹⁷ Там же. С. 15.

ва группа уральских ученых (О.Ф. Русакова¹¹⁸, В.М. Русаков¹¹⁹, Е.Г. Грибовод¹²⁰, Д.М. Ковба¹²¹ и др.), которые в качестве точки отсчета любого исследования под эгидой *emory studies* выбирают именно «политику памяти», интерпретируя ее с позиций структурного функционализма, то есть как систему государственного управления коллективными представлениями о прошлом¹²².

Согласно этому подходу, «политика памяти» имеет разветвленную структуру, которая напоминает собой своеобразный зонт, стержень которого нацелен на закрепление в коллективной памяти народа определенных способов интерпретаций прошлого, что были сконструированы через производство политически значимых смыслов, образов, символов, мифов, нарративов и прочего¹²³. В качестве своего рода спиц воображаемой конструкции выступают социально-гуманитарные ресурсы и технологии («инфраструктура памяти»¹²⁴). На них государство как главный мнемонический актор «натягивает» полотно, символизирующее искомую

¹¹⁸ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Современный дискурс политики памяти // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / под ред. Л.В. Сморгунова. Москва: Аспект пресс, 2015. С. 226–238.

¹¹⁹ Русаков В.М., Русакова О.Ф. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 27–47.

¹²⁰ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти...

¹²¹ Ковба Д.М. Политика памяти в контексте теории «мягкой силы» // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 93–96.

¹²² Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 2 (35). С. 28–41.

¹²³ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти... С. 160.

¹²⁴ Русаков В.М., Русакова О.Ф. Инфраструктура новой политики...

национальную идентичность, что раскрывается в комплексе мировоззренческих и поведенческих моделей, укрепляя легитимность существующей власти¹²⁵. Коммеморативные практики в исполнении ключевого мнемонического актора в этой образной схеме можно представить в виде «спускового механизма», который позволяет всей зонтичной конструкции «развернуться» в полном объеме.

Опираясь на данное развернутое в виде метафоры определение, логично предположить, что «политика памяти», воспринимаемая «как система государственного управления коллективными представлениями о прошлом»¹²⁶, включает в свою внутреннюю структуру конкретные элементы символической политики, среди которых наличествует полноценный репертуар символьических объектов: как нематериальных (знаки, символы, образы, ритуалы), так и материальных (памятники, мемориалы, экспозиции). Данные объекты формирует и закрепляет в своих коммеморативных практиках действующая политическая система, обладающая институциональной инфраструктурой и набором соответствующих ресурсов¹²⁷. Таким образом, если в данной структуре фактор исторического воображения вводится нами как элемент символической политики, он автоматически оказывается одним из объектов структуры политики памяти, что и требовалось с точки зрения позиционирования настоящего исследования!

Что касается особого статуса такого феномена как «память», о котором шла речь в контексте обнаружения предпосылок для развертывания дискурса о воображении, то и здесь существуют как минимум две фундаментальных позиций, лишь одна из которых обеспечит нам должный плацдарм для исследования фактора исторического воображения в структуре современной политики памяти. Обе эти традиции признают, что данная политика оперирует с «памятью» как со сложным, многосоставным феноменом, но они по-разному интерпретируют его сущность. Первая восходит еще к исследованиям в области «внутреннего усмотрения» Дж. Локка¹²⁸,

¹²⁵ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти... С. 160.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1. Москва: Соцэкиз, 1960. 532 с.

но наиболее яркое выражение она получила в трудах Э. Гуссерля, в связи с чем можно условно обозначить эту традицию как «феноменологией индивидуальной памяти»¹²⁹. В общих чертах, акцент здесь делается на «спаянности» различных состояний индивидуального сознания, в то время как феномен «коллективного сознания» фактически не подлежит рассмотрению. Соответственно, можно сделать вывод, что данная традиция не предусматривает какой бы то ни было социологической трактовки индивидуальной памяти, и потому двигаться в ее фарватере кажется сомнительной перспективой, если идет речь об исследовании фактора воображения в структуре политики памяти.

Тем не менее, кратко охарактеризуем проблематику воображения в целом, как она видится в рамках этой традиции, поскольку важным достижением ее дискуссий является исследование границы между понятиями «воображение» и «память». Французский философ П. Рикер на страницах своей фундаментальной книги «Память, история, забвение» приводит череду рассуждений, которые иллюстрируют нераазрывную связь «воображения» и «памяти» в ретроспективе философских изысканий XX века¹³⁰. Общим пространством для них является «приведение в присутствие» того, что сейчас отсутствует; разъединяет же их свойственное воображению «отвлечение от реальности и видение ирреального», и на-против, свойственное памяти «полагание предшествующего реального»¹³¹. Однако линии перехода от воображения к памяти остаются неясными, также как и природа их взаимосвязи внутри ментального акта.

К примеру, в феноменологии индивидуальной памяти Э. Гуссерля важное место занимает проблематика разграничения четырех переплетенных концептов: «воспоминания» (*Erinnerung* – нем.), «образа» (*Vorstellung* – нем.), «изображения» (*Bild* – нем.) и «вымысла» (*Phantasie* – нем.), однако данная работа не была завершена им ни на страницах фундаментального труда «Идеи-1»¹³², ни где-либо еще.

¹²⁹ Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. Москва: Логос: Гнозис, 1994. 192 с.

¹³⁰ Рикер П. Память, история, забвение // Французская философия XX века. Москва: Изд-во гуманит. лит. 2004. 728 с.

¹³¹ Там же. С. 73.

¹³² Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии

Оставим цепочку этих сложнейших рассуждений в духе дескриптивной феноменологии Ф. Брентано (учителя Гуссерля) за рамками нашего внимания, потому резюмируем лишь ее результат. «Вспомненная вещь» может сложиться в сознании в «образ» (Vorstellung) как основанный на «изображении» (Bild) (то есть иметь некую опору в виде косвенной презентации прошлого), так и не иметь такого основания, то есть быть выдумкой (Phantasie). Гуссерль здесь фактически следует канонам древнегреческого философского наследия и отводит «воображению» не самую почетную, вторичную позицию в иерархии концептов – в его терминах просматриваются все те же платоновские *эйказия* и *фантазия*, которые определяли роль «воображения» в корректном или некорректном способе передачи разуму явлений внешнего мира.

Не предлагают принципиального пересмотра статуса «воображения» и последователи этой гуссерlianской традиции – А. Бергсон и Ж.-П. Сартр. П. Рикер отмечает, что они также стремились провести разграничения между «памятью» и «воображением» как двумя формами интенциональности: воображение понималось ими как нацеленность на вымышленное, а память как нацеленность на предшествующую реальность¹³³. Вполне интересно различие, проводимое А. Бергсоном, между «памятью, которая воображает» и «памятью, которая повторяет», «чистым воспоминанием» и «воспоминанием-образом», где последнее является смешанным феноменом воображения и памяти¹³⁴. Однако и этот автор в своем анализе уделял большее внимание «памяти», в то время как «воображение» не интересовало его как самостоятельный феномен¹³⁵.

Ж.-П. Сартр начинает разворачивать логику своих рассуждений с позиции «воображения», однако и он не далеко уходит от знакомых нам представлений о вспомогательной природе этого феномена. Ее можно было бы иллюстрировать с помощью метафоры о почтальоне, доставляющим письмо по адресу или же ошибающимся с адресом доставки. Особенностью анализа Ж.-П. Сартра является акцент на транс-

и феноменологической философии. Т. 1. Москва: ДИК, 1999. 336 с.

¹³³ Рикер П. Указ. соч.

¹³⁴ Бергсон А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Москва: Моск. клуб, 1992. 336 с.

¹³⁵ Там же. С. 245.

формации функционала воображения: переходе от иллюзорной функции, которую воображение выполняет, будучи в ответе за «образную» составляющую в том самом концепте А. Бергсона о «воспоминании-образе», к галлюцинаторной функции, где воображение не только «показывает» что-то, но и «заставляет увидеть»¹³⁶.

Перейдем к освещению другой традиции, которая в выбранном формате настоящего исследования представляет для нас большую прикладную ценность, поскольку ее адепты наделяют коллективные сущности способностью сохранять и вызывать в памяти некие общие воспоминания – соответственно, эта традиция имеет очерченное социологическое измерение, восходящее к наследию Э. Дюркгейма¹³⁷. Отечественный культуролог, крупный специалист в области герменевтики, доктор философских наук А.И. Макаров в монографии «Феномен надиндивидуальной памяти: образы-концепты-рефлексия» уделяет пристальное внимание дискуссии, развернувшейся вокруг необходимости закрепить за «коллективной памятью» статус некого самостоятельного феномена¹³⁸. Сторонники теории меризма в социологии (возможно провести параллели между ними и адептами феноменологии индивидуальной памяти) отказывают любой коллективной памяти в самобытности, поскольку считают ее конструктором, собранным из множества воспоминаний индивидуального происхождения. Таким образом, ее специфика в рамках этого подхода определяется не более чем суммой элементов, участвовавших в той или иной сборке, а также их выборкой и комбинацией. Сторонники социологической школы (А.И. Макаров ссылается на проводников идей французского философа М. Хальбакса) не только исходят из того, что память обладает неким надиндивидуальным измерением, но еще и придерживаются позиции, что этому измерению будто бы присуща собственная онтология¹³⁹.

¹³⁶ Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 319 с.

¹³⁷ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва: Канон, 1995. 352 с.

¹³⁸ Макаров А.И. Феномен надиндивидуальной памяти (образы-концепты-рефлексия). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2009. 216 с.

¹³⁹ Там же. С. 8–9.

Что касается самого М. Хальбвакса, на страницах его книг встречается рассуждение, что существует «коллективная среда, внешняя по отношению к индивидуальным сознаниям, но при этом охватывающая их»¹⁴⁰. Именно феномен данной среды, где не только протекает некое «коллективное время», но и разворачивается «коллективное пространство», в том числе «символическое пространство», наводит нас на мысль о том, что содержание «коллективной памяти» имеет смысл изучать с помощью самобытной научной методологии, которая не сводится к сбору и анализу частных воспоминаний. В связи с этим, прежде чем погружаться в практически ориентированное исследование того, как фактор исторического воображения влияет на формирование в коллективной памяти определенных образов прошлого, полезно очертить методологические горизонты, что открывает для нас пресуппозиция о самобытности памяти как надындивидуальной инстанции.

Для нас немаловажно, что социологический подход М. Хальбвакса, как и его импликации, связанные с исследованием фактора воображения, может быть органично вписан в ту систему координат, которая была выбрана изначально – безусловно, здесь речь идет о структурализме и структурном функционализме. Французский философ выстраивал собственное видение надындивидуальной памяти как некой структуры, где индивидуальные воспоминания вписываются в некие «рамки», или, другими словами, встраиваются в систему реперных точек, расположенных во времени и пространстве («коллективном хронотопе»)¹⁴¹. Таким образом «рамки» приводят воспоминания в нужный порядок, поддерживают их целостность и обуславливают функционирование множества важных социальных институтов, варьирующихся по своему масштабу от семьи до целого государства. Тем не менее, здесь важно сделать ремарку: М. Хальбвакс не радикализирует социологическую повестку и потому не утверждает, будто коллективная память полностью детерминирует личные воспоминания человека. Однако он делает особый акцент на моменте, что именно персональный опыт принадлежности к группе становится залогом формирования индивидуальной памяти, при этом большую роль здесь игра-

¹⁴⁰ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 40–41 (2–3). С. 11–12.

¹⁴¹ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 11–12.

ет воспитание, полученное от других членов этой группы/ сообщества¹⁴².

Помимо объективного «времени» и «пространства» М. Хальбвакс выделяет ряд других элементов данных «рамок», среди которых особая роль отведена логосу (мышлению, речи и языку), то есть рациональной составляющей, которая вполне претендует на роль «базиса» коллективной памяти. Однако видится потенциально интересным достроить еще один «этаж» к данной конструкции, что выступал бы для «базиса» своего рода эмоционально-чувственной «надстройкой». Разумеется, речь идет о таком факторе как воображение, поскольку данный психический процесс черпает материал для будущих образов преимущественно из опыта прошлого. При этом речь идет не только и даже не столько об индивидуальном, фактическом прошлом, сколько о «коллективном» или «историческом» прошлом, однако здесь мы уже вступаем на территорию исследования коллективного бессознательного и выходим за рамки дюркгеймовской социологии памяти.

В качестве особого горизонта исследования структурных особенностей политики памяти, такой фактор как воображение приобретает ощутимый вес не только в выбранной структурно-функциональной топике, но и в дискурсивных проявлениях символической политики. Особенno привлекательным выглядит междисциплинарный потенциал подобных исследований, поскольку социология коллективной памяти по умолчанию апеллирует к целому спектру различных гуманитарных дисциплин, сочетая в себе уважение к наследию классической социологии Э. Дюркгейма и проявляя немалый интерес к достижениям в области классического и структуралистского психоанализа (З. Фрейд¹⁴³, К.Г. Юнг¹⁴⁴, Ж. Лакан¹⁴⁵), структурной антропологии (К. Леви-Стросс¹⁴⁶,

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Фрейд З. Введение в психоанализ. Москва: Академ. проект. 2020. 477 с.

¹⁴⁴ Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва: АСТ, 2020. 224 с.

¹⁴⁵ Узланер Д.А. Жак Лакан: введение. Москва: РИПОЛ классик, 2022. 288 с.

¹⁴⁶ Леви-Стросс К. Структурная антропология. Москва; Санкт-Петербург: Академ. проект, 2008. 562 с.

Ф. Боас¹⁴⁷). Логичным продолжением такого погружения в междисциплинарность выглядит обращение к «социологии глубин», родоначальником и ведущим автором которой выступает французский социолог и антрополог Ж. Дюран. В русскоязычной научной среде, долгое время интерес к философии Дюрана был фрагментирован – вероятно, в силу слабой представленности переводов его ключевых работ.

В настоящий момент времени, исследователю либо необходимо владеть французским языком, чтобы изучить работы автора, либо заняться поиском австралийского издания его главной книги, поскольку это единственный англоязычный перевод, который более-менее доступен, в том числе в виде оцифрованной версии в сети Интернет¹⁴⁸. Однако в 2010-е годы у русскоязычного исследователя появилась возможность познакомиться с принципиальными положениями философии Ж. Дюрана без прямого обращения к оригиналу в силу того, что его изыскания попали в фокус исследовательского внимания отечественного философа и социолога А.Г. Дугина, который издал монографию, посвященную исследованию наследия французского автора¹⁴⁹, а также выпустил курс одноименных видео лекций, основанных на материале этой монографии¹⁵⁰. Излагая наше видение фактора исторического воображения в структуре современной политики памяти, будем обращаться преимущественно к этой монографии, которая поможет нам вычленить символические аспекты теории воображения Ж. Дюрана.

Итак, Ж. Дюран разворачивает все свою философию вокруг феномена воображения, то есть совершает достаточно смелый шаг, отправляясь дальше своих предшествен-

¹⁴⁷ Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Санкт-Петербург: Университет. кн., 1997. Т. 1. С. 499–508.

¹⁴⁸ Durand G. The Anthropological Structures of the Imaginary / trans. by M. Sankey and J. Hatten. Brisbane: Boombana publ., 1999. 413 p.

¹⁴⁹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. Москва: Академ. проект: Трикста, 2010. 564 с.

¹⁵⁰ Программа ACADEMIA. Социология воображения. Лекция 1. URL: <https://paideuma.tv/video/programma-academiya-sociologiya-voobrazheniya-lekciya-1#/?playlistId=0&videoId=0>

ников, которые отводили воображению второстепенную роль (в рациональной традиции воображение считалось промежуточным и не самодостаточным явлением, расположенным между внешней реальностью и познающим субъектом). Если сформулировать основные постулаты теории Ж. Дюрана, то в них происходит совмещение научных достижений в области психоанализа и структурной социологии, результаты чего можно схематично представить в виде двухэтажной конструкции, где в роли условного «числителя» видится *общественный логос*, а в роли «знаменателя» – *общественный мифос*¹⁵¹. Области последнего как раз относится «воображение» (*l'imaginaire* – фр., далее – *имажинэр*), но понимать его следует особым образом: как базовую инстанцию, которая является «точкой отсчета» для развертывания внешнего мира и конституирует познающий субъект. Таким образом, в данной топике, воображение имеет социологическое измерение, но относится к социальному мифосу, а не логосу. Кроме того, оно видится автором в более широком смысле, чем принято считать, поскольку включает в себя процесс воображения, воображаемое (сами образы) и даже того, кто осуществляет акт воображения (субъект), облик которого не задается *a priori*, а создается самим *имажинэром* в процессе его развертывания¹⁵².

Далее сосредоточимся на тех моментах социологии воображения, которые способны обогатить исследования современной политики памяти. В первую очередь, наше внимание должно быть обращено на два условных «режима» развертывания *имажинэра*, дневной режим (или *диурн*) и ночной режим (*ноктюрн*), а также на те мифологические установки, которые им соответствуют. Разбор этих установок, а также их свойств, позволит исследователю посмотреть под необычным ракурсом как созидается социальный логос под воздействием мифоса и в перспективе дальнейших исследований применить полученную методологическую установку к интерпретации событий исторического прошлого, а также конкретным способам презентации этих событий в массовом сознании. Всякий режим говорит на определенном «языке» – его роль играют фигуры риторики, тропы, что в свою очередь открывает возможности для различного рода дискурсивных

¹⁵¹ Дугин А.Г. Указ. соч. С. 83–84.

¹⁵² Там же. С. 129–130.

исследований, набирающих все больший вес в пуле методологий анализа политики национальной памяти.

Краткая характеристика «дневного» режима воображения может быть сведена к тому, что этот режим «противопоставляет себя смерти и ведет с ней напряженную борьбу»¹⁵³. В целом, это «героический миф», который фиксирует свое внимание на цепочке нарративов, сюжетов и символов, так или иначе на событийном уровне связанных с войной и ментальной процедурой диаэрезиса (*διαίρεσις* – греч.) на философском уровне. Основными фигурами риторики, на языке которых говорит диурн, выступают *плеоназм* (речевая избыточность, где ее частным примером может быть повторение одних и тех же постулатов) и *гиперболизация* (преувеличение).

«Ночной» режим устроен сложнее, поскольку имеет целых две ипостаси: *мистический ноктюрн* и *драматический ноктюрн*. Оба этих режима являются противоположностью героического режима, в них фактор смерти подвергается либо тотальной (в случае *мистического ноктюрна*) или относительной (в случае *драматического ноктюрна*) эвфемизации, то есть подается уже не как угроза жизни, а как нечто иное.

Нарративы, сюжеты и символы разворачиваются на событийном уровне в виде актов примирения со смертью (*мистический ноктюрн*) или ускользания от конкретных ответов и определенных действий (свойственно обоим *ноктюрнам*). На философском уровне оба представляют собой подмену понятий, приведение к общему знаменателю противоположных, на первый взгляд, явлений реальности, наблюдается склейка, «слипание» разных событий или аргументов в дискуссии¹⁵⁴. Кроме эвфемизма, свойственного обоим видам ночного режима, наиболее распространенными фигурами риторики, с помощью которых изъясняется *мистический ноктюрн*, являются *антитология* (противоречие самому себе), *литота* (намерение преуменьшить). *Драматический ноктюрн* может ярко охарактеризовать метафора «вечного возвращения одного и того же», зацикленности событий как в индивидуальной жизни, так и в историческом масштабе, повторяемости событий от случая к случаю, ощущения дежавю¹⁵⁵.

¹⁵³ Там же. С. 92–93.

¹⁵⁴ Там же. С. 100–101.

¹⁵⁵ Там же. С. 123–125.

Применительно к исследованиям символических аспектов политики памяти, взгляд через призму режимов развертывания воображения в целом и изучение языков этих режимов в частности может обогатить методологический путь исследований под эгидой *memory studies*. Такие традиционные методы как исследование общественных дебатов и нарративов по значимым для общества вопросам исторического прошлого, а также исследование различных способов коммеморации памятных исторических событий могут дополниться дискурсивным анализом того, как «дневные» установки по отношению к ним вытесняются «ночными», что повсеместно происходит в неолиберальном дискурсе в рамках пересмотра и размытия объективной истории. Здесь можно вести речь и о том, какую роль фактор исторического воображения играет в реализации стратегий пост-правды, которая предполагает использование заведомо ложных постулатов относительно событий прошлого или настоящего, противоречащих фактам объективной реальности, но зато отвечающих эмоциональному запросу политической конъюнктуры¹⁵⁶. Соответственно, эта стратегия также апеллирует к воображению аудитории, но с точки зрения теории *имажинэр* она не только влияет на формировании в коллективной памяти образов прошлого, но и трансформирует их в терминах того или иного режима, в котором разворачивается *имажинэр*.

Отправной точкой такого анализа может стать выявление троп, фигур риторики в различных источниках: в правовых актах государства, в научных работах (а также в художественном контенте), посвященных представлению и интерпретации исторических вех, попадающих в фокус внимания исследователя. Однако важно учитывать, что *имажинэр* часто разворачивается одновременно в нескольких режимах, и речь следует вести о пропорциональном соотношении содержания «дневных» и «ночных» установок в риторике исследуемого коммеморативного актора, нежели пытаться отследить тот или иной режим в чистом виде – последнее едва ли представляется возможным на практике.

Если рассмотреть в целом официальную политику памяти Российской Федерации по отношению к советскому периоду, уделяя при этом внимание символическим

¹⁵⁶ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурс постправды как медиатехнология... С. 11.

аспектам, то наиболее очевидным образом диурнические установки *имажинэра* проявляются в дискурсе о Великой Отечественной войне и, в частности, в дискурсе о Великой Победе. Свойственная *диурну* процедура «диаэрезиса» разводит по разные стороны истории («светлую» и «темную») советский народ-победитель и проигравшие войну народы объединенной фашистами Европы, противостояние с которыми уподобляется сражению с «коричневой чумой» – вполне в гиперболическом ключе. В этой же «дневной» логике развертывания *имажинэра* обретают себя и масштабные празднования Дня Победы 9 мая каждого года, в то время как попытки вторжения «ночного» режима на эту территорию категорически пресекаются, что, в частности, находит выражение в неприятии международного Дня Памяти и Примирения, который отмечается 8 или 9 мая под эгидой Организации Объединенных Наций. С точки зрения «дневного» режима, подобные смещения акцентов и расплывчатые формулировки недопустимы, поскольку всегда интерпретируются как движение в сторону гуманизации «врага», пусть и поверженного, как попытка сгладить противоречия с ним или, что еще опаснее, как попытка «поменяться с врагом местами».

Идеологические противники официальной линии российской политики памяти в своей противоборствующей деятельности берут на вооружение актуальные стратегии пост-правды, которые визжутся, преимущественно, уже на постулатах «ночного» режима развертывания *имажинэра*. Диапазон проявлений ноктюрнического дискурса о Великой Отечественной войне и Победе в ней достаточно широк: мы можем его проследить, начиная от внутренних, частных информационных провокаций вокруг «сдачи Ленинграда немцам»¹⁵⁷ или «невинно погибших» под Сталинградом немцах, «среди которых многие хотели жить мирно и не желали воевать»¹⁵⁸, и заканчивая дальновидно спланированными «диверсиями» в области историографии, где равная степень ответственности за развязывание Второй мировой

¹⁵⁷ Сысоев Г. Прокуратура начала проверку «Дождя» после опроса о блокаде Ленинграда, 30.01.2014. URL: <https://ria.ru/20140130/992152684.html>

¹⁵⁸ Выступление школьника из Нового Уренгоя в Бундестаге. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NANzQ-JIZjE>

войны возлагается как на Советский Союз, так и на нацистскую Германию¹⁵⁹. Последний тренд осуждается на уровне высшего законодательства¹⁶⁰, что свидетельствует об укреплении официальной «дневной» тенденции противостоять «ночному» тренду «смешивать карты в колоде» в неолиберальном запале тотальной инклузивности, где «черное» становится либо не отличимым от «белого», либо оказывается его «частным случаем».

Однако и сам официальный дискурс, связанный с коммеморацией Великой Победы, не безупречен в своей однородности. Воспроизведение «дневного» режима *имажинэра* внутренне противоречиво, ведь помимо описанных нами внешних атак *ноктюрна* на его диурническую модальность можно проследить, что последняя и сама подвержена размытию собственных же установок. Более того, данное развоплощение осуществляется изнутри главным формальным коммеморативным актором, то есть самой государственной властью.

В качестве примеров такого факультативного проникновения «ночной» повестки в магистральную диурническую канву можно привести ежегодную «драпировку» Мавзолея в день проведения Парада Победы, инициатива чего исходит от Министерства обороны РФ¹⁶¹. Те люди, которые помнят Мавзолей открытым, или хотя бы те, кто смотрел документальный фильм о параде Победы 1945 года, ассоциируют образ свободного от драпировок Мавзолея с одной весьма яркой и запоминающейся картиной – сценой бросания к его подножию нацистских знамен и штандартов. Стоит заметить, что эта акция была подробно и глубоко продумана организаторами парада, инициатива ее проведения исходила от само-

¹⁵⁹ Федоров К.В. Проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны в зарубежной историографии 1945–1990 гг. // Гуманитарный журнал. 2015. Вып. 7. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/271.html>

¹⁶⁰ Федеральный Закон от 01 июля 2021 года № 278-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46972>

¹⁶¹ Синельников-Оришак М. А не спилить ли Мавзолей с Ордена Победы? Когда и почему возникла идея «драпировки», 09.05.2022. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/333639/>

го верховного главнокомандующего, И.В. Сталина¹⁶², потому существуют все основания считать ее неотъемлемым компонентом политики памяти того времени.

Более того, с точки зрения анализа *имажинэра*, данная акция имела строго диурнический характер. Будучи рассчитанной на производство определенного эмоционального эффекта, она оставила неизгладимый отпечаток в коллективной памяти народа и впоследствии оказала влияние на развертывание воображения будущих поколений – она выступила важным символическим свидетельством не только героизма советских солдат, но и превосходства «красного» (советского) политического проекта над «коричневым» (фашистско-капиталистическим).

Таким образом, современная российская власть столкнулась с определенной дилеммой. С одной стороны, она предельно заинтересована во включении диурнического нарратива о Великой Победе в репертуар собственной политики памяти, что органично вписывается в утилитарную стратегию «использования прошлого в политических целях», поскольку причастность к данному нарративу укрепляет ее собственную репутацию в глазах широких народных масс. С другой стороны, эта же самая власть не заинтересована в воспроизведстве «красного» (советского) дискурса в ходе развертывания ценного для нее нарратива, поскольку к нему она как раз никакого отношения не имеет. И, соответственно, современная власть в России испытывает определенные опасения, что советский дискурс выставит ее саму в нелепцеприятном образе на фоне того политического проекта, который непосредственно стоит за Победой в Великой Отечественной войне.

Итак, официальной властью как ведущим коммеморативным актором была предпринята целенаправленная акция, апеллирующая к коллективному воображению, в процессе реализации которой изначально диурнический нарратив о Великой Победе оказался подвергнут аккуратной «ревизии изнутри»: из него вкрадчивым образом был «вырезан» неудобный эпизод с низвержением нацистских знамен и штандартов к подножию Мавзолея. С точки зрения анализа *има-*

¹⁶² Баранец В. Фашистские знамена у стен Кремля бросали, как старые веники, 07.05.2015. URL: <https://www.kp.ru/daily/26378.4/3256842/>

жинэра, сделано это было с целью разрыва в воображении народа символической связи между Празднованием 9 мая и коммунистической идеей, снизив таким образом значимость переживаемого в народной памяти чувства гордости за Советский Союз как воплощения «красного» политического проекта.

С точки зрения диурнического режима развертывания воображения, акция по удалению идеологической составляющей советского проекта из нарратива о Великой Отечественной войне, является глубоко шизофренической. В связи с чем диурн с легкостью обнаруживает в практике драпировки Мавзолея серьезное противоречие и несостыковку, однако с точки зрения *ноктюрна*, особенно его радикальной – мистической ипостаси, парадоксальная Победа советского над фашизмом, из которой как будто «вырезан» сам момент *советскости*, является вполне органичным явлением и не должен вызывать никакого недоумения.

Примером вторжения *драматического ноктюрна* на территорию *диурна* можно считать попытку установления памятной доски маршалу Маннергейму¹⁶³, отметившемуся участием в блокадных действиях в отношении Ленинграда со стороны Финляндии. Данная акция также неприемлема с диурнической точки зрения, поскольку выглядит наглядной иллюстрацией смешивания «друзей» и «врагов», однако режим *драматического ноктюрна*, главным приемом которого является *замыкание в цикл*, видит здесь проявление «цикличности истории» и преемственности между героями Российской Империи и героями современной Российской Федерации.

Подобные примеры противоречивости коммеморативной политики свидетельствуют о наличии «глубинных вод», протекающих под официальной повесткой, источники которых уходят в область неопределенного отношения к советскому периоду в целом, и в особенности, к Великой Октябрьской революции и к личностям В.И. Ленина и И.В. Сталина. Преуменьшение роли советского военного и гражданского руководства в ряде достижений государства того времени, более того, нарочитая демонизация одних исторических пер-

¹⁶³ Чулков К. Почести Маннергейму и примирение с прошлым, 17.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161017/1479381963.html>

сонажей и «обеление» других в угоду меняющейся внутренней повестке говорит о серьезной идейной трансформации, которую претерпевает мейнстрим (диурнический режим развертывания *имажинэра*), под воздействием «вкрадчивых» ноктурнических установок.

В заключение отметим, что классический для исследования политики памяти методологический подход, каким является структурно-функциональный анализ, может только обогатиться, если исследователь окажется способен дополнить его измерениями, связанными с изучением символических аспектов политики памяти и анализом исторического воображения в качестве факторов, задающих образно-эмоциональные «рамки» восприятия прошлого для участников коммеморативных практик¹⁶⁴. Рассматривая коллективную память как структуру, состоящую из «рамок» и самих воспоминаний, мы открываем формирование надиндивидуальной памяти в новом ракурсе и видим проблему выстраивания политики памяти под иным углом. Именно фактор воображения позволяет нам сделать вывод, что данные «рамки» не являются пустым хронотопом, который потом заполняют разрозненные воспоминания, превращая его в ткань коллективной памяти. «Рамки» изначально загружены определенным смыслом, который оказывает влияние на процесс отбора воспоминаний в целом, а также на их иерархию, согласно которой формируются приоритеты и ценностные ориентации в отношении событий прошлого. Проанализировать сущность, характер этой загруженности поможет дискурсивное исследование режимов развертывания воображения в массовом сознании, выявить которые возможно с помощью анализа фигур риторики, применяемых для передачи смыслов в ряде нарративов, сюжетов, образов.

¹⁶⁴ Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Политика национальной памяти... С. 30.